

Борис
ЦХОМАРИЯ

Гроза над Кавказом

Борис Цхомария

Гроза над Кавказом

Посвящается героической победе в битве за Кавказ

ММП Проспект

Москва 2012

Дизайн: С. Мелешенко
Художественный редактор: Н. Зенькович
Вёрстка: В. Сычков
Корректурa: А. Свободин
Фото: Н. Зенькович, А. Редькин
Использованы фотографии из фондов
историко-краеведческого музея «Красная Поляна»
Издано при поддержке ООО «Прайм-С», г. Сочи

Цхомария Борис Дмитриевич

Гроза над Кавказом. — М.: ММП Проспект, 2012

ISBN 978-5-9903622-1-5

....Неотвратим и стремителен бег времени. Многое исчезает из человеческой памяти. Но есть такие страницы истории, над которыми время не властно. Одна из таких страниц — Великая Отечественная война советского народа против немецко-фашистских захватчиков, частью которой была почти 15-месячная битва за Кавказ.

Прошло более полувека. Поросли травой и яркими цветами окопы, рвы и траншеи. О чем-то шумят деревья, опаленные пламенем военных пожаров. В граните и бронзе, в мраморе и стали высятся над горами Кавказа памятники нашим славным воинам, павшим за свободу и независимость Родины.

Вечная им память...

ISBN 978-5-9903622-1-5

© Б.Д. Цхомария, 2012

© ООО «ММП Проспект», 2012

Цель — Кавказ

По плану «Эдельвейс»

*...Мы помнить это будем всюду —
Ведь если позабудем мы,
Потомки наши знать не будут.*

А.В. Молчанов.

Прошли десятилетия с того исторического дня — 8 мая 1945 года, когда в предместье Берлина — Карлсхорсте — представители германского верховного командования подписали акт о безоговорочной капитуляции гитлеровской Германии. Великая Отечественная война, которую вел советский народ 1418 дней и ночей против немецко-фашистских захватчиков, была победоносно завершена.

Среди выдающихся побед, одержанных нашей армией в годы Великой Отечественной войны, видное место занимает битва за Кавказ. Обнаруженные после войны документы германского руководства показали, что захват Кавказа был одной из главных целей фашистской стратегии. Чем же Кавказ привлекал внимание руководящей клики фашистской Германии? Прежде всего, тем, что Кавказ являлся важнейшим экономическим районом, обладающим сырьем военно-стратегического значения. На его долю приходилась почти вся нефть страны, здесь производилось около 87 процентов общесоюзной добычи нефти и нефтепродуктов, 65 процентов природного газа, 60 процентов марганцевой руды... Военное руководство Германии испытывало тревогу за снабжение своей армии горючим. Захват кавказской нефти решил бы проблему снабжения их армии горючим на месте и в то же время лишил бы нашу армию важнейшего стратегического сырья. Неслучайно Гитлер в беседе с начальником верховного командования вермахта (ОКВ) генерал-фельдмаршалом Кейтелем обратил его внимание на то, что наступление на нефтяные районы является основой германских действий на Кавказе.

Кроме того, Кавказ — богатейший сельскохозяйственный край. Здесь возделывается пшеница, сахарная свекла, кукуруза, подсолнечник, многие другие культуры. Фашисты надеялись иметь хлеб и другие продукты

питания на месте, чтобы не завозить продовольствие издалека, с чем они тоже испытывали затруднения.

Удобное географическое положение Кавказа определило и его стратегическое значение. После захвата Кавказа фашисты мечтали получить важный стратегический плацдарм для захвата Ирана и всего арабского Востока, лишив тем самым наших союзников нефти. Через Кавказ они планировали пройти и до Индии. Для этого был сформирован ударно-штурмовой корпус, имевший условное обозначение «Ф» по фамилии его командира генерала авиации Гельмута Фельми, считавшегося знатоком Востока. Штаб «Ф» был сформирован в Южной Греции и являлся «центральной инстанцией, занимающейся всеми вопросами арабского мира, касающимися вермахта». Корпус «Ф» являлся секретным соединением и шел на Кавказ за армиями Клейста. После поражения нашей армии он должен был начать поход на Иран, Аравию, Индию. Возлагали надежду германские стратеги и на межнациональную рознь среди народов Кавказа и Закавказья, на их разрыв с русским народом. Они пытались создать здесь пятую колонну, которая посредством пропаганды и диверсионных действий должна была вести в нашем тылу разложение государства. (Термин «пятая колонна» появился в 1936 году во время гражданской войны в Испании, когда «франкистский» генерал Эмиль Мола заявил по радио, что мятежники «войдут в Мадрид четырьмя колоннами, а пятая находится в самом Мадриде и в решающий момент ударит с тыла». С тех пор словосочетание «пятая колонна» стало устойчивым выражением, как правило, несущим в себе отрицательный смысл и являющимся синонимом слова «предатели».)

Таким образом, богатство Кавказа сырьем стратегического значения (нефть, марганец, молибден, медь, цинк), продовольственные ресурсы Дона, Кубани, Ставрополя, удобное географическое положение как стратегического плацдарма для наступления на страны Востока, надежда на поддержку народами Кавказа фашистского режима и побудили генеральный штаб гитлеровской Германии разработать специальную операцию по захвату Кавказа, получившую кодированное название «Эдельвейс». План этой операции содержался в директиве ОКВ № 45 от 23 июля 1942 года.

Выполнение плана возлагалось на группу армий «А» под командованием генерал-фельдмаршала Вильгельма Листа. В ее состав входили 1-я танковая армия (одиннадцать дивизий), 4-я танковая армия (три танковые дивизии), 17-я армия (пятнадцать дивизий, пехотная и кавалерийская бригады), 3-я румынская армия (семь дивизий) и находящаяся в Крыму 11-я армия (пятнадцать дивизий). Это была огромная сила, обеспеченная первоклассной по тому времени боевой техникой. В ее составе было 167

тысяч солдат и офицеров, 1130 танков, 4540 орудий и минометов, тысяча боевых самолетов 4-го воздушного флота. В общей же сложности на Кавказ наступала армия, насчитывавшая 700 тысяч человек («Военно-исторический журнал», № 7, 1967 г.).

Противник имел явное превосходство над войсками Южного фронта, которым командовал генерал-лейтенант Р.Я. Малиновский: в личном составе — в 1,5 раза, по орудиям и минометам — в 2,1 раза, по танкам — в 9,3 раза, по самолетам — 7,7 раза. Превосходство врага было и над войсками Северо-Кавказского фронта, которым командовал маршал Советского Союза С.М. Буденный.

«Ближайшей задачей группы армий «А» являлось окружение и уничтожение советских войск южнее и юго-восточнее Ростова и Новочеркаска...

После захвата Северного Кавказа противник предусматривал развитие наступления на Туапсе и Батуми, чтобы выйти в Закавказье и лишить Черноморский флот его баз.

Горные и егерские дивизии получили задачу форсировать реку Кубань, захватить районы Майкопа, Армавира, горные перевалы западной части Главного Кавказского хребта и продвигаться в Закавказье.

1-я и 4-я танковые армии главными силами должны были наступать через Ставрополье на Грозный, Махачкалу и овладеть Бакинским нефтяным районом...

Таким образом, на первом этапе операции по плану «Эдельвейс» немецко-фашистское командование надеялось захватить Северный Кавказ, а на втором — Закавказье, обойдя Главный Кавказский хребет с запада и востока и одновременно преодолев его с севера, через перевалы. Командование вермахта надеялось выходом своих войск в Закавказье принудить Турцию вступить в войну с Советским союзом» («История Второй мировой войны 1939-1945», 1975, т. 5, стр. 202). Но об этом позже.

Вражеские дивизии перед вступлением на Кавказ имели значительный боевой опыт. Они участвовали в захвате Польши, Франции, Греции, Норвегии и не знали поражений.

Летом 1942 года им удалось захватить почти всю территорию Краснодарского края за исключением городов Сочи, Туапсе, Геленджика и прилегающих к ним районов.

Фашисты на Кубани зверствовали. За период оккупации с территории края насильственно был угнан 130521 человек, в том числе 81089 женщин и 38022 ребенка в возрасте до 16 лет. Здесь зверствовала зондеркоманда СС-10 А, впервые стали применяться «душегубки» — шеститонные крытые грузовики с дизельным двигателем. В герметически закрытый

кузов сажали людей, а отработанные газы с окисью углерода удушали их. Затем людей закапывали.

Гитлеровцы надеялись, что Кубань станет житницей Германии. Они торопились вывезти с Кубани оставшийся скот и запасы пшеницы, специальные команды срезали и вывозили в Германию плодородные кубанские черноземы.

Около полумиллиона жителей Кубани не вернулись с войны к своим родным и близким. Прах 61557 кубанцев покоится на территориях 36 государств ближнего и дальнего зарубежья. На территории края в период временной оккупации замучено и убито 9022 советских военнопленных. Память о них священна.

К 60-летию освобождения Кубани в Краснодаре была издана брошюра «Память о Михизеевой Поляне». Вот один документ из этой брошюры:

«...По приказу военного коменданта лейтенанта Гофмана Густава утром 13 ноября 1942 года немецкие солдаты и офицеры, окружив поселок, приказали всем гражданам выйти из домов вместе с детьми на поляну. Когда вышли последние, немецкие солдаты разбили всех на семь групп. Мужчин собрали в одну группу и приказали им рыть яму. Когда она была вырыта, немцы из пулеметов и автоматов расстреляли мужчин и детей. Раненых достреливали из пистолетов, кололи штыками. Трупы расстрелянных было запрещено зарывать в течение недели. Во время расстрела у Анны Мамонтовой начались преждевременные роды.

Всего в рабочем поселке Михизеева Поляна было расстреляно 207 человек, в том числе 29 граждан, эвакуированных из Ленинграда, фамилии которых установить не удалось. Среди расстрелянных 20 мужчин, 72 женщины, 115 детей. Рабочий поселок был полностью сожжен. После освобождения района на Михизеевой поляне обнаружено семь общих могил.

Виновники совершенного злодеяния: немецкий военный комендант Гофман Густав, его помощник Пичман Эрих, солдаты и офицеры 97-й, 66-й немецких пехотных дивизий и их пособники: райбургомистер Зубов Вячеслав Михайлович, начальник районной полиции Киреев Дмитрий...» (Краснодар, «Знак-Сервис», 2003 г.).

Акт об этом злодеянии фашистов зарегистрирован в Ярославском райисполкоме, в книге актов по учету злодеяний под номером 2 от 10 января 1944 года.

Свидетелями этого зверского преступления фашистов были чудом оставшиеся в живых Н.П. Копанев, А.К. Тисленко (Кузнецова). В брошюре публикуются их краткие воспоминания, указаны фамилии и имена всех 207 расстрелянных.

Выступая на митинге в Мостовском районе 8 мая 2002 года, глава администрации Краснодарского края А.Н. Ткачев сказал: «Число жертв Михизевой Поляны превышает потери печально известной белорусской Хатыни. В семи захоронениях покоится прах стариков, женщин, детей. Это свидетельство жестокости, бесчеловечности фашизма... Нынешнее и будущие поколения должны беречь память о горьких событиях военных лет как напоминание человечеству о необходимости сохранить мир на земле».

...В августе 1942 года фашисты захватили Ставрополь, Минеральные Воды, Пятигорск, Кисловодск. Дивизии 49-го горнострелкового корпуса генерала Рудольфа Конрада вышли к Главному Кавказскому хребту и повели наступление на его перевалы. Фашисты выдавали себя за «друзей» жителей Кавказа, на деле же, используя ложь и клевету, несли смерть и разорение. В Пятигорске они стали издавать газету «Пятигорское эхо». Вот одно из их обращений к жителям гор:

«Горец! У тебя ничего не было. Все твоё богатство отняли большевики. У тебя теперь многое, а будет ещё больше... Всем этим счастьем твоей семьи и покоем детей ты обязан великому твоему другу Адольфу Гитлеру. Расскажи о нем всем. Сложи о нем прекрасную кавказскую песню и благослови его в своих молитвах.

Горец! У тебя теперь есть своя власть. Твои нравы охраняет доблестная германская армия. Люби эту власть, люби германского воина, который, как орел, перелетел снежные горы, чтобы освободить тебя и твоих братьев! Живи счастливо, хозяин гор! Пусть благословен будет твой труд и твоя гостеприимная сакля!» (Газета «Пятигорское эхо» от 12 сентября 1942 г.)

На фоне этого обращения хочу напомнить читателю об известном документе — «Памятке для немецкого солдата» (один из экземпляров, изъятый у пленных немецких солдат, хранится в школьном музее «Красная Поляна»):

«Помни и выполняй:

1. Утром, днем, ночью — всегда думай о фюрере, пусть другие мысли не тревожат тебя. Знай: он думает и делает за тебя. Ты должен только действовать, ничего не бояться, ты, немецкий солдат, неуязвим. Ни одна пуля, ни один штык не коснется тебя. Нет нервов, сердца, жалости — ты сделан из немецкого железа. После войны ты опять обретишь новую душу, ясное сердце — для детей твоих, для великой Германии. А сейчас действуй решительно, без колебаний.

2. У тебя нет сердца и нервов, на войне они не нужны. Уничтожь в себе жалость и сострадание — убивай всякого русского, советского, не

останавливайся, если перед тобой старик или женщина, девочка или мальчик, — этим ты спасешь себя от гибели, обеспечишь будущее твоей семье и прославишься навеки.

3. Ни одна мировая сила не устоит перед германским напором. Мы поставим на колени весь мир. Германец — абсолютный хозяин мира. Ты будешь решать судьбы Англии, России, Америки. Ты германец, как подобает германцу, уничтожай все живое, сопротивляющееся на твоём пути, думай всегда о возвышенном, о фюрере, ты победишь. Тебя не возьмет ни пуля, ни штык. Завтра перед тобой на коленях будет стоять весь мир».

«Эта памятка, — пишет в своей книге «Битва за Кавказ» Маршал Советского Союза А.А. Гречко, — давала право немецкому офицеру грабить и убивать на всей территории Советского Союза».

Истинное лицо «друзья» горцев показали, отступая с Кавказа под напором наших войск. Они грабили мирных жителей, угоняли их скот, забирали одежду и обувь, домашнюю утварь, сжигали дома. Грабежи сопровождалась убийствами мирных граждан, насилием над женщинами и девушками. Многочисленными неопровержимыми документами военных лет в ходе Нюрнбергского процесса было доказано, что обращение с народами кавказских национальностей у фашистов было таким же, как и с русскими, украинцами, белорусами.

К операции «Эдельвейс» противник приступил 25 июля 1942 года. Ее главнокомандующий фельдмаршал Лист был доволен развитием событий. Его войскам сопутствовал успех: взятие Ростова-на-Дону, стремительный бросок и удачный штурм Сальска, захват Майкопа и Краснодара, форсирование Кубани, водружение нацистского флага на Эльбрусе, успех под Новороссийском и на Таманском полуострове, переправа через Терек... Но враг нес большие потери. К тому же сроки, установленные Гитлером, не выдерживались, были утрачены и надежды получить кавказскую нефть. «Ставка Гитлера была крайне недовольна действиями группы армий «А». 10 сентября начальник генерального штаба главнокомандования вооруженных сил Германии генерал-фельдмаршал Кейтель по поручению Гитлера пригласил командующего группой «А» генерал-фельдмаршала Листа в ставку группы армий «Юг» в Сталино (Донецк) и вел с ним беседу наедине. В результате этого разговора генерал Лист был смещен с поста главнокомандующего группой армий «А»» (А.А. Гречко. «Битва за Кавказ». М., 1967., С.110.).

Гитлер принял командование группой армий «А» на себя, но в ноябре 1942 года был вынужден назначить на этот пост генерал-полковника Клейста. Бывший командующий Закавказским фронтом генерал армии

И.В. Тюленев в своей книге «Крах операции «Эдельвейс»» писал, что имя Клейста хорошо было известно в Германии. Гитлер считал, что Пауль Людвиг Эвальд фон Клейст — самая подходящая фигура для проведения операции «Эдельвейс». Он высоко ценил его полководческий талант. Клейст утверждал, что самые эффективные методы ведения современного боя — мощные таранные танковые удары. Тюленев пишет, что Клейст сумел это внушить Гитлеру и тот благословил его танковый поход на Кавказ.

На Восточном фронте Клейст командовал войсками с июня 1941 года. В результате тщательно спланированных действий и талантливо проведенных операций он уже летом взял в плен — в «котлах» под Белой Церковью и Уманью — более 700 тысяч советских солдат и офицеров, обеспечил блокирование Киева. Клейст придерживался принципа «беречь жизни своих солдат и офицеров», подавлял сопротивление противника авиационной и артиллерийской мощью, а также танковыми колоннами. Генерал-полковника Клейста Гитлер произвел в чин генерал-фельдмаршала. В телеграмме Клейсту говорилось: *«В знак благодарности к Вашим личным заслугам, точно так же в знак признания заслуг Ваших войск во время решающих боев на востоке с сегодняшнего дня (1 февраля 1943 года. — Б.Ц.) я произвожу Вас в чин генерал-фельдмаршала»*. Любопытна телеграмма новоиспеченного генерал-фельдмаршала Клейста, которую он отправил войскам в тот же день: *«С сегодняшнего дня фюрер произвел меня в чин генерал-фельдмаршала и при этом обратил особое внимание на то, что это производство является признанием заслуг командования и войск в решающих боях на востоке. Таким образом, мое производство в этот чин я отношу за счет заслуг моих неподражаемых войск и командования»* (А.А. Гречко. «Битва за Кавказ». М., 1967.).

Но планы Клейста терпели крах. Всю осень и зиму 1942 года и весну 1943-го он вел оборонительные бои на Кубани, где старался целенаправленно проводить политику по привлечению на свою сторону коллаборационистов (предателей, сотрудничавших с врагами своей Родины во время оккупации ее гитлеровскими войсками), из которых формировал отдельные батальоны и полки, запретив своим офицерам притеснять или обделять эти вооруженные формирования. Но и эти мероприятия особых успехов Клейсту не принесли.

Он прилагал немало усилий, чтобы задержать наступательный порыв наших войск на так называемой «Голубой линии». Это была сильно укрепленная, глубоко эшелонированная оборонительная полоса

протяженностью более 11- километров. Флангами она опиралась на побережья Азовского и Черного морей и состояла из множества опорных пунктов и узлов сопротивления. Немецкий генерал инженерных войск Эрвин Енике приложил много усилий для укрепления позиций на линии Новороссийск — Крымская — Темрюк. С этой же целью сюда был направлен генерал саперных войск Якоб.

«Голубая линия» противника была изрыта окопами и траншеями полного профиля, напичкана железобетонными огневыми точками, дотами, дзотами. Ее обороняли отборные горнострелковые и офицерские части 17-й армии врага, в составе которой было немало штрафных батальонов. Фашистское командование было уверено, что «Голубая линия» неприступна. Клейст требовал от своих подчиненных держаться здесь любой ценой. Однако наступательный порыв наших войск ему удержать не удалось, и в сентябре 1943 года, бросая технику, остатки группы армий «А» (более 300 тысяч человек) были эвакуированы с Кубани.

Немецкий военный историк генерал-полковник Курт Типпельскирх в своей книге «История Второй мировой войны» писал, что отступление германской армии с Кубанского плацдарма — это классический образец планомерного отхода крупной группировки под сильным натиском превосходящих сил врага. Эта книга содержит описания кампаний и операций, особенно с немецкой стороны. Но в указанном утверждении фашистского генерала правда лишь в том, что превосходящие силы в 1943 году были действительно на стороне Советской Армии и натиск у них был неуправляемый. Что же касается «классического образца планомерного отхода» крупной группировки фашистских войск с Кубанского плацдарма, то это чистый вымысел, основанный на донесениях командующего группой армий «А» фельдмаршала Клейста, которому явно не хотелось признавать своего поражения после успехов, которых он достиг в 1941-1942 годах. Гитлер наградил Клейста за его прежние успехи Рыцарским крестом с дубовыми листьями и мечами.

Если бы Клейст доложил своему фюреру истинную правду о положении его войск на Кубанском плацдарме, то был бы немедленно снят с должности командующего группой армий и крест получил бы не награжденной, как это было со многими другими генералами. Кстати, он был уволен в отставку, но уже в связи с неудачными боями в Крыму.

Обратимся лишь к некоторым фактам положения германских войск на Кубани в 1942-1943 годах.

22 июля 1943 года на высоте 185,1 в немецких траншеях наши разведчики нашли черную клеенчатую тетрадь. Она была доставлена старшему

лейтенанту Рафесу. Павел Михайлович Рафес, старший лейтенант, во время войны был переводчиком. Он переводил с немецкого на русский язык различные документы, захваченные у противника, письма немецких солдат и офицеров и их родственников, ответы пленных немцев во время допросов, читал приказы гитлеровского командования, делал выписки из документов и т.п.

Внимательно рассмотрев содержание записей в тетради, Рафес обнаружил, что это дневник боевых действий 2-й батареи 114-го артиллерийского полка 46-й пехотной дивизии вермахта. Дневник вели немецкие офицеры. Записи были сделаны с 25 сентября 1942 года по 22 марта 1943 года, велись они разными почерками, карандашом, начерно, готической скорописью. Хранятся они в историко-краеведческом музее «Красная Поляна», опубликованы в журналах «Краснополянский следопыт» № 43, 44, 45.

Приведем некоторые из записей.

«25.12.42. Похороны погибших...

...21.01.43. Орудия уничтожены. Остаток снарядов расстрелян, стволы приказано уничтожить и прорываться на Апшеронскую...

...22.01.43. Каждый упаковывает из своих вещей столько, сколько может унести, все остальное незаметно для противника уничтожается, сапоги ли это, одеяла ли, патроны, средства связи или еще что-нибудь. У каждого болит сердце, когда он уничтожает предметы своего снаряжения. А орудия? Что такое батарея без орудия?..

...23.01.43. Высшему командованию давно следовало бы отказаться от Кавказского фронта...

...27.01.43. Мы бежим в поношенном. Уничтожаем все. Спешим перейти Кубань через Усть-Лабинскую на Воронежскую, потому что русские с востока нажимают. Разрешается солдату сохранить только самое необходимое. Все остальное, вплоть до зимнего обмундирования, должно быть уничтожено. Недостаток бензина, вследствие чего большое количество машин подлежит уничтожению.

Дивизии предстоит переправа с Тамани на Керчь, а паромов не хватает...

...03.02.43. Русские жмут. Батарея уничтожает 4 арт. рации AFV, автомобиль с имуществом наблюдения и связи и автомобиль с пулеметом...

...11.02.43. Русская авиация атакует наши колонны на бредущем поле. Генерал-лейтенант Хацциус погиб во время одной из таких атак...

...15.02.43. Активность русской авиации усиливается. Лишь только вытаскают повозки из грязи, как они увязают опять. Здесь нам дают 300 г хлеба, а на той стороне — 600 г, а кроме того, на той стороне нас

ожидает питание, обмундирование, санобработка, «обезвоивание» и пр., о чем каждый тоскует.

...14.03.43. В Тамани весь транспорт подлежит обыску для выявления продовольствия и горючего. Войсковые части должны все сдать... О том, чтобы отдать все, нечего и говорить. Мы имеем еще добрые несколько дней до тех пор, пока у нас не отнимут остатки, а до этого времени мы тоже хотим жить хорошо...»

Дневник немецких офицеров, непосредственных участников боевых действий на Кубани, — подлинный документ военных лет, позволяющий сделать вывод, что планомерного отхода фашистских войск не было, это был настоящий «драп марш». Во всех войнах, ни одна армия, совершающая планомерный отход (тем более, классический), не уничтожала свое стратегическое имущество — орудия и боеприпасы, обмундирование, средства связи, не сжигала бензин и пр. Но и уничтожать свою боевую технику под напором наших армий противник не успевал.

Мне пришлось пройти боевой 800-километровый путь от города Орджоникидзе до Темрюка в составе 276-й дважды Краснознаменной орден Суворова и Богдана Хмельницкого Темрюкской стрелковой дивизии. Мы видели, как «планомерно» отступали фашистские вояки, бросая свои груженные грузовики, исправные танки, легковые штабные машины, мотоциклы, полные различным имуществом подводы. Все торопились, наезжали друг на друга, загромождая дорогу. Советские танки подгоняли оккупантов, а с воздуха их утюжили огнем наши штурмовики. Спасая собственную жизнь, солдаты врага оставляли все, что мешало спешному бегству, бросали оружие и снаряжение. Это, по мнению немецкого генерала, и был «классический образец планомерного отхода».

Курт Типпельскирх на Кубани не воевал. Сохранить объективность, рассказывая об отступлении немецких войск с Кубанского плацдарма, он не мог.

Откроем книгу фельдмаршала Эриха Манштейна «Утерянные победы» (Москва, 2003, стр. 885).

«Типпельскирх Курт фон, немецкий генерал пехоты. На военной службе с 1910, участник 1-й Мировой войны, затем в рейхсвере. В 1938-1942 начальник отдела, 4-й обер-квартирмейстер (начальник разведывательного управления) генштаба сухопутных войск. С сентября 1942 советник при командовании 8-й итальянской армии, с декабря 1943 командир корпуса, в июне-июле командовал 4-й армией, с ноября 1944 — 1-й армией в Лотарингии, затем 14-й в Италии, 21-й в Мекленбурге и с апреля 1945 — группой армий «Висла», с которой сдался в плен англичанам. На Нюрнбергском процессе объявлен военным преступником. Однако

ему удалось избежать суда. После войны написал монографию «История Второй мировой войны».

Что касается положения германских войск на Кубани в 1943 году, автор монографии пользовался сведениями из донесений Клейста, командовавшего группой армий «А». Ясно, что сохранить объективность генералу было очень не просто.

Доктор исторических наук, полковник Хаджи-Мурат Ибрагимбеили в брошюре «Битва за Кавказ» (М.: Знание, 1983), приводит данные о трофеях, захваченных нашими войсками в ходе «планомерного» отступления противника. Среди трофеев: 458 танков, 1392 орудия, 1538 минометов, 35414 автоматов и винтовок, 15195 автомашин, более 300 тысяч снарядов. Такие цифры не могут не впечатлять.

Успеху наступательных операций Советской армии на Кубани способствовала наша авиация, которая вела борьбу не только с авиацией противника, но и оказывала значительную помощь сухопутным войскам и Черноморскому флоту в разгроме врага на суше и на море, оказывала помощь в снабжении их материальными средствами. Только в течение 3-х месяцев части 5-й воздушной армии (командующий генерал С.К. Горюнов) совершили около 7 тысяч самолетовылетов, перевезли 833 тонны боеприпасов, горючего, продуктов и медикаментов, а также эвакуировали более 1700 тяжелораненых солдат и офицеров (формуляр 327, оп. 4999, д.12, л. 1-3; д.13, л. 3-5., Центральный архив Министерства обороны).

Сражения в небе над Кубанью по числу воздушных боев и количеству участвовавших самолетов были самыми крупными из всех предшествующих. Наши летчики проявляли подлинный героизм в борьбе с коварным и опытным врагом. Зачастую, когда в бою у них были расстреляны боеприпасы и другого выхода не оставалось, они шли на таран и это было их вторым оружием. В одном полку летчики совершили шесть воздушных таранов. Младший лейтенант М.А. Борисов на самолете «ЛаГГ-3» таранил «Хе-111» и затем, уже при падении, сбил немецкий самолет «Ю-88». Герой погиб, но и противник был уничтожен. В сражениях на Кубани немцы потеряли 1100 самолетов, из которых 800 было сбито в воздушных боях (Центральный архив Министерства обороны, ф. 319, оп. 4798, д. 47, л. 81).

За особо выдающиеся подвиги многие летчики были удостоены звания Героя Советского Союза. А.И. Покрышкин стал трижды Героем, братья Д.Б. и Б.Б. Глинки — дважды Героями Советского Союза.

В сражениях в небе Кубани мужество и героизм проявили и женщины-летчицы 46-го гвардейского полка ночных бомбардировщиков (командир полка майор Е.Д. Бершанская). Особенно отличились

Е. Носаль, В. Белик, И. Каширина, М. Авидзба, Е. Попова, Е. Руднева, М. Чечнева, К. Серебрякова и другие.

Заместитель командира эскадрильи Евдокия Носаль совершила более 350 боевых вылетов. В одном из них она нанесла меткий удар по врагу, в результате чего на позициях противника возникло 24 сильных пожара, было уничтожено несколько складов с боеприпасами и горючим, три переправы через водные рубежи, много боевой техники врага. В очередном бою с вражеским «Ме-109» снаряд взорвался в кабине летчицы, Носаль была смертельно ранена. Ее штурман И. Каширина вывела самолет в горизонтальное положение и вскоре посадила его на своем аэродроме. Е. Носаль первой получила звание Героя Советского Союза в женском полку. Женский авиационный полк — необыкновенное явление в военно-воздушных силах нашей страны.

В битве за Кавказ героически сражались с врагом моряки Черноморского флота и Азовской военной флотилии.

С 22 июня 1941 года по 23 апреля 1943 года Черноморским флотом командовал вице-адмирал Ф.С. Октябрьский, а 24 апреля 1943 года по 10 марта 1944 года флотом командовал вице-адмирал Л.А. Владимирский. Азовской военной флотилией до 5 января 1944 года командовал контр-адмирал С.Г. Горшков.

Флот содействовал войскам в обороне побережья, прикрывал их фланги, не допускал высадки вражеских десантов, обеспечивал войскам доставку военных грузов, эвакуацию раненых, срывал снабжение гитлеровских войск по морю. Он вел борьбу как против морских сил, так и против сухопутных и воздушных сил противника.

В середине 1942 года немцы сосредоточили на Черном море довольно значительные силы: один крейсер, 4 эсминца, 3 миноносца, 4 сторожевых корабля, 4 канонерские лодки, 7 подводных лодок, 16 торпедных катеров, 137 тральщиков, 30 сторожевых катеров, около 100 самоходных барж, более 300 самолетов.

В феврале 1943 года немцы перебросили с Балтийского моря на Черное еще шесть подводных лодок, которые действовали на наших коммуникациях у Черноморского побережья Кавказа.

«Наш Черноморский флот превосходил противника в крупных кораблях, но значительно уступал в авиации» (Черноморский флот. Исторический очерк. — М.: Воениздат. 1967. С. 210).

Особое значение немецкое командование придавало захвату города Новороссийска. Для выполнения этой задачи враг сосредоточил большие силы, значительно превосходившие наши силы, оборонявшие город.

Командующий Северо-Кавказским фронтом Маршал Советского Союза С.М. Буденный, выполняя директиву Ставки, 17 августа создал Новороссийский оборонительный район (НОР). Командующим был назначен генерал-майор Г.П. Котов. К 27 августа были созданы семь секторов НОР. Эти мероприятия способствовали усилению обороны Новороссийска, но были начаты с запозданием и не были доведены до конца. 8 сентября в командование НОР вступил генерал-майор А.А. Гречко.

Для удобства управления войсками и улучшения их снабжения Ставка Верховного Главнокомандования преобразовала Северо-Кавказский фронт в Черноморскую группу войск Закавказского фронта под командованием генерал-полковника Я.Т. Черевиченко (с 11 октября командующим был назначен генерал-лейтенант И.Е. Петров).

Большое превосходство врага в танках и авиации привело к тому, что после ожесточенных боев 10 сентября Новороссийск был оставлен нашими войсками. Однако, захватив город, врагу не удалось использовать его как военно-морскую базу. Наши войска контролировали Цемесскую бухту и вход в Новороссийский порт. Ни один немецкий корабль не мог войти в бухту, она простреливалась с восточного берега пулеметами, минометами и артиллерией наших войск.

После войны, вспоминая об этих боях, Маршал Советского Союза А.А. Гречко писал: *«Бои шли круглые сутки. Порой было трудно отличить день от ночи. В густой пыли вспыхивали оранжевые разрывы снарядов и мин, пожары бушевали днем и ночью. Узкая всхолмленная полоска земли, протянувшаяся между цементными заводами, с одной стороны ограничена морем, с другой — горами. Вот на этом участке вдоль приморского шоссе и шли уже которые сутки ожесточеннейшие бои. На ветке железнодорожной линии, что протянулась у самого шоссе, стоял пожарный вагон. В нем находился штаб 305-го батальона морской пехоты. Вагон был так изрешечен пулями, что на нем не осталось ни куска дерева. Уже пробиты и металлические стойки, а вагон все стоял...»*

Во время боя под Новороссийском

У шоссе, что петляет по побережью Черного моря, на юго-восточной окраине есть священная реликвия Великой Отечественной войны. На высокий постамент, окруженный акациями, поднят обыкновенный

железнодорожный вагон. Собственно, это уже не тот вагон, а лишь его железный остов, весь изрешеченный пулями, осколками... И ни куска дерева! На этом своеобразном памятнике — надпись: «Здесь 11 сентября 1942 года доблестные воины частей Советской Армии и Черноморского флота преградили путь врагу на Кавказ, а через 360 дней во взаимодействии с морским десантом и частями с Малой земли начали штурм Новороссийска и 16 сентября 1943 года, разгромив фашистские войска, освободили город».

«Почти год непрерывных, упорнейших боев, сотни напряженных атак. Это множество ярких эпизодов, раскрывающих мужество советских бойцов и командиров, их боевое мастерство, инициативу и находчивость», — писал А.А. Гречко в своей книге «Битва за Кавказ».

Не добившись решающего успеха на Новороссийском направлении, немецкое командование стало сосредоточивать основные силы 17-й армии на Туапсинском направлении. Оно стремилось во что бы то ни стало развить наступление вдоль Черноморского побережья на Туапсе, чтобы соединиться с войсками, которые пытались прорваться к Туапсе с севера. Советское командование придавало большое значение Туапсинскому направлению.

Снова откроем книгу Андрея Антоновича Гречко «Битва за Кавказ»: *«Прорвавшись к Туапсе, немецко-фашистские войска смогли бы отрезать и окружить 47-ю и 56-ю армии Черноморской группы войск. Этим они сократили бы свой фронт примерно на 200 км, что позволило бы немецкому командованию высвободить до десяти дивизий и использовать их для удара вдоль Черноморского побережья. Противник мог бы захватить Цемесскую бухту, порты Геленджик и Туапсе, единственную сухопутную коммуникацию — шоссе Новороссийск — Сочи, и продвижением вдоль Черноморского побережья проникнуть в Закавказье, овладеть нашими последними военно-морскими базами на Черном море и в дальнейшем развернуть наступление на Кутаиси и Тбилиси. Вот почему Ставка приняла срочные и необходимые меры по усилению войск и укреплению обороны на Туапсинском направлении.*

Для укрепления обороны Туапсе 23 августа создается Туапсинский оборонительный район (ТОР) в границах Джубга —

Сражение около Туапсе

Георгиевская — Лазаревская. Командующим оборонительным районом назначается командир Туапсинской военно-морской базы контр-адмирал Г.В. Жуков. Туапсинский оборонительный район включал в себя внешний и внутренний обводы. К 25 сентября на внешнем и внутреннем обводах протяженностью 20 км закончилось оборудование 14 батальонных оборонительных районов. Кроме того, вокруг Туапсе — 17 отдельных ротных опорных пунктов. Вдоль Черноморского побережья от Кабардинки до Туапсе завершилось строительство свыше 500 дотов и дзотов, устанавливалось более 300 управляемых фугасов. В 150 местах шоссе было подготовлено к разрушению. Также готовились к разрушению 40 крупных мостов и 65 подпорных стен. На дорогах, ведущих с фронта в тыл, имелись заграждения, а тропы, которые не использовались войсками, приводились в непригодное состояние.

В промежутках между опорными пунктами и на побережье в местах возможной высадки десантов устанавливались противопехотные минные поля, а на танкопроходимых участках дорог — противотанковые жидкие заграждения».

Несмотря на потери, противник усиленно рвался к Туапсе. 23 октября он вышел к горам Семашхо, Два Брата и перерезал единственную рокадную дорогу. Его передовые части вышли к долине реки Туапсинка. До города Туапсе оставалось 30 километров, но это были километры поражения ударной Туапсинской группировки противника.

В результате Туапсинской оборонительной операции, длившейся три месяца (с 25 сентября по 20 декабря), были отражены три попытки гитлеровских войск прорваться к Туапсе. Наши воины оборонялись с изумительной стойкостью, а в результате контрнаступления, проявляя героизм и отвагу, разгромили вражескую группировку, остатки которой отбросили от подступов к городу Туапсе.

Здесь я напомним читателю о драматическом эпизоде, который произошел на горном перевале севернее Туапсе, где 4-го октября начиналось наступление войск Закавказского фронта. Поскольку в этой операции принимали участие и силы Черноморского флота, в район проведения операции вместе с командованием Закавказского фронта выехал и адмирал Иван Степанович Исаков. Машины к линии фронта шли по единственной узкой горной дороге. В районе железнодорожной станции Индюк машины внезапно были атакованы тремя «юнкерсами» противника. Исаков был тяжело ранен в ногу. 6-го октября 1942 года раненого адмирала доставили в Сочи. В здании санатория Министерства сельского хозяйства размещался морской госпиталь Черноморского флота. После

консилиума врачи пришли к заключению, что ногу адмирала следует ампутировать. Через несколько дней, в послеоперационный период, Исаков, почувствовав себя плохо, обратился к Сталину с просьбой в случае кончины назвать его именем один из эсминцев Черноморского флота. Вскоре из Москвы пришел ответ, в котором Сталин сообщил Ивану Степановичу о том, что, по заключению врачей, его здоровье идет на поправку, а в случае трагического исхода лучший эсминец Черноморского флота будет назван «Адмирал Исаков». Это сообщение Верховного Главнокомандующего придало силы адмиралу, и вскоре он снова стал в строй Вооруженных Сил страны.

Краткая справка.

Исаков Иван Степанович (1894-1967), адмирал флота Советского Союза (1955), Герой Советского Союза (1965), член-корреспондент АН СССР (1958). Член КПСС с 1939 года. В 1937-38 начальник штаба и командующий Балтийским флотом. В 1938-46 зам. Наркома ВМФ, в 1946-50 начальник Главного штаба и зам. Главнокомандующего ВМФ. Труды по военно-морской истории, повести. Автор рассказов. Депутат ВС СССР в 1937-1946. Государственная премия СССР (1951).

«В битве за Кавказ советскими войсками руководили маршал С.М. Буденный, генералы И.В. Тюленев, И.Е. Петров, И.И. Масленников. Штабы фронтов возглавляли генералы И.И. Антонов, Г.Ф. Захаров, П.И. Бодин, И.А. Ласкин и др.

В битве участвовали одиннадцать общевойсковых армий (9, 12, 18, 24, 37, 44, 46, 47, 51, 56 и 58-я). Среди генералов, умело командовавших этими армиями, были А.А. Гречко, К.Н. Леселидзе, К.А. Коротеев, В.В. Глаголев, П.М. Козлов, А.А. Гречкин и др. Важную роль в битве за Кавказ сыграли 4-я 5-я воздушные армии, которыми в разное время командовали генералы К.А. Вершинин, Н.Ф. Науменко, С.К. Горюнов. Под их руководством проходило и было выиграно известное воздушное сражение на Кубани.

Сложные и ответственные задачи выполняли в ходе битвы Черноморский флот, Азовская и Каспийская военные флотилии под командованием контр-адмиралов С.Г. Горшкова и Ф.С. Седельникова, а также Новороссийская военно-морская база (командир контр-адмирал Г.Н. Холостяков)» («Народный подвиг в битве за Кавказ», М.: Наука, 1981.

Автор весьма кратко коснулся действий авиации и военно-морского флота в битве за Кавказ, поскольку эти вопросы подробно освещены в специальной литературе.

Наши соседи до и во время войны

Турция

В Закавказье СССР имел границу с Турцией и Ираном протяженностью 1382 километра. На протяжении многовековой истории оба эти государства, как более сильные, неоднократно совершали набеги и поработали кавказские народы, приносили им немало бед и страданий. Реакционные силы этих государств считали юридически правомерным свое право на захват территории Закавказья. Они использовали всякую возможность для осуществления очередной интервенции.

Прошли столетия, и многое изменилось.

20-30-е года XX века характеризовались укреплением внешнеполитического положения Турции. Этому способствовала дружественная политика СССР, который в 1925 году заключил с ближним соседом договор о дружбе и нейтралитете. Затем договор был продлен до 1935 года. Кроме того, в 1927 году Советский Союз заключил с Турцией договор о торговле и мореплавании. Турции был предоставлен беспроцентный кредит для приобретения советского оборудования. Советскими специалистами были построены в Турции два крупных текстильных комбината, и многое было сделано еще для укрепления добрососедских отношений.

Однако постепенно в Турции стала набирать силу внутренняя реакция. Она активизировала свою деятельность после смерти в 1938 году Кемаля Ататюрка — первого президента Турецкой республики, выступавшего за поддержание дружественных отношений с СССР. Игнорируя его заветы, правящие круги Турции стали предавать национальные интересы и пошли на услужение англосаксонским и, особенно, германским империалистам.

В стране стали усиливаться пантюркистское движение и пропаганда панисламизма, т.е. объединения под властью Турции всех мусульман. Германия умело воспользовалась этим для вовлечения Турции в борьбу против Советского Союза и Англии. В 1937 году Турцию посетили видные деятели фашистской Германии, и уже в следующем году Германия заняла первое место во внешней торговле Турции. 90% всей турецкой экспортной продукции вывозилось в Германию. Турция поставляла Германии хромовую руду — остродефицитное стратегическое сырье, необходимое для получения высококалассной стали. Без этого сырья качественная германская металлургия не смогла бы работать. Советское правительство предупредило турецкое руководство о том, что эту руду Германия использует для военной промышленности и немцы вооружаются не для добрых намерений. Однако

турецкие власти отмалчивались. Мало того, советская разведка установила, что в Турции создана шпионско-разведывательная сеть гитлеровской Германии. Были сформированы террористические и диверсионные группы, предназначенные для переброски на территорию Советского Союза, организовано шесть германских телеграфных агентств, которые стали вести антисоветскую пропаганду, готовить народы Турции к войне с Советским Союзом. Все эти пропагандистские и шпионские организации возглавлял видный государственный деятель, дипломат и опытный военный разведчик посол Германии в Турции Франц фон Папен, кандидатура которого на этот пост при жизни Кемаля Ататюрка была отклонена.

В 1939 году состоялся визит в Турцию рейхсляйтера Третьего рейха Пауля Йозефа Геббельса. Все это было неспроста. В начале Второй мировой войны Турция, несмотря на договор о взаимоотношениях с Англией и Францией, заключает такой же договор с фашистской Германией. Таким образом, правящие круги Турции проводили политику лавирования между фашистским блоком и англо-американскими союзниками, оставаясь в течение всех военных лет на антисоветских позициях.

В начавшейся войне против СССР Турция заявила, что занимает позицию нейтралитета, но это не соответствовало действительности. Нарушив международную конвенцию о проливах, она пропустила через Дарданеллы и Босфор немецкий и итальянский военный флот. В Черное море вошло 88 надводных и подводных кораблей противника. Создалась угроза высадки десантов и диверсионных групп врага на нашем Черноморском побережье.

В этот период времени Турция имела армию в миллион человек. Советской разведкой было установлено, что в период битвы за Кавказ Турция сконцентрировала на нашей границе 26 дивизий, подготовленных для вторжения в Советское Закавказье. Из секретных документов министерства иностранных дел Германии стало известно, что был разработан план наступления турецких войск в ноябре 1942 года через Иранское плоскогорье на Баку. Планировалась и бомбардировка Баку и Батуми с турецких аэродромов. Сигналом для начала вторжения должно было быть взятие фашистскими войсками Сталинграда.

После разгрома фашистских войск под Сталинградом турки притихли, заняли выжидательную, но все же профашистскую позицию. Все это не могло не беспокоить нашу страну и потому, несмотря на тяжелейшую обстановку на фронтах, Советский Союз был вынужден держать часть войск на сухопутной границе с Турцией (протяженностью 620 км) и на всем советском Черноморском побережье.

Иран

Наша страна прилагала немало усилий к тому, чтобы поддерживать с Ираном добрососедские отношения. В 1921 году в Москве был подписан договор между советским правительством и правительством Ирана. Обе стороны обязались: «Не допускать всеми доступными им способами пребывания на их территории войск или вооруженных сил какого-либо третьего государства, пребывание которых создавало бы угрозу границам, интересам или безопасности другой Высокой Договаривающейся Стороны» («Советско-иранские отношения в договорах, конвенциях и соглашениях». М., 1946. С. 74-79.). В договор была внесена очень важная для нашей страны статья, предусматривающая, что «в случае, если со стороны третьих стран будут иметь место попытки путем вооруженного вмешательства осуществлять на территории Персии захватническую политику или превращать территорию Персии в базу для военных выступлений против России, если при этом будет угрожать опасность границам Российской Социалистической Федеративной Республики или союзных ее держав и если персидское правительство после предупреждения со стороны Российского Советского правительства само не окажется в силе отвести эту опасность, Российское Советское правительство будет иметь право ввести свои войска на территорию Персии, чтобы в интересах самообороны принять необходимые военные меры. По устранении данной опасности Российское Советское правительство обязуется вывести свои войска из пределов Персии» (там же).

Иранский народ с удовлетворением встретил договор. Однако правительство Ирана, несмотря на безвозмездную передачу советским правительством иранскому народу 157 млн рублей золотом и другую помощь, всячески проявляло к своему соседу недружелюбие. Правительство Ирана предоставляло для разработки империалистам США, Англии, Германии залежи нефти на границе с Закавказскими советскими республиками, что вызывало определенное беспокойство у руководства нашей страны. Кроме того, иранское правительство отказывалось заключить новый торговый договор с Советским Союзом и добивалось ликвидации всех советско-иранских торговых и промышленных обществ в своей стране.

Оттеснив своих противников, фашистской Германии удалось занять во внешней торговле Ирана ведущее место. В Германию из Ирана стало импортироваться сырье военно-стратегического значения. Стало ясно, что Иран занял профашистскую позицию.

Гитлеровская Германия превращала Иран в плацдарм для нападения на Советский Союз, ввозила в страну большое количество вооружения.

На границе с СССР стали сосредоточиваться германские диверсионные отряды, которым была поставлена задача проникнуть к нефтепромыслам Баку и в республики Средней Азии. Сотни немецких офицеров — агентов разведки и гестапо прибыли в Иран под видом туристов. Когда началась Вторая мировая война, правительство Ирана заявило о своем нейтралитете. После же нападения фашистской Германии на Советский Союз гитлеровское руководство усилило свою подрывную деятельность в Иране, стремясь подчинить себе страну и использовать ее в войне против нашего государства и Англии. Несмотря на неоднократные предупреждения со стороны Советского Союза, иранское правительство не предприняло каких-либо мер для пресечения фашистской агентуры. Мало того, допустило руководителя военной разведки Германии адмирала Канариса в страну для координации действий фашистских диверсионных и разведывательных групп против СССР.

В соответствии с советско-иранским договором, советское правительство было вынуждено принять решение ввести в Иран свои войска. 25 августа 1941 года в Иран вошли 44-я и 47-я армии, 27 августа вступила и 53-я армия. По согласованию с Советским Союзом с юга в Иран были введены английские войска.

Эта мера не была направлена против территориальной целостности и государственной независимости Ирана. Совместные действия СССР и Англии сорвали фашистский план превращения Ирана в плацдарм для военных действий против антигитлеровской коалиции.

В составе советских войск, вступивших в Иран в 1941 году, находилась и 20-я дивизия, которая в последующем участвовала в обороне перевалов Кавказа на подступах к Черноморскому побережью.

Вот что рассказал автору этих строк бывший командир 20-й дивизии полковник А.П. Турчинский:

«20-я дивизия стояла в городе Гори Грузинской ССР. Здесь она пополнилась личным составом и была готова к выполнению боевой задачи. Был получен приказ сосредоточиться в районе города Ленкорань Азербайджанской ССР. В течение 5 дней мы готовили личный состав дивизии к выполнению боевой задачи. 24 августа, ночью, через леса мы подошли к границе. 25 августа в 4 часа утра вышли на территорию Ирана и двинулись вперед к городу Ардебиль, это узел шоссейных дорог. Персидские войска были ошеломлены стремительностью действий наших частей, что не дало им возможности оказывать сопротивление. Отдельные же группы, пытавшиеся оказать сопротивление, немедленно уничтожались. Мы вышли в город Тебриз. Здесь и в окрестностях города обнаружили посадочные площадки

для самолетов, запаянные цистерны авиабензина, склады вооружения и боеприпасов в огромном количестве.

Наши распустили весь офицерский корпус Ирана и армию. Персы этому были рады, разъехались по домам. Население встречало наши войска дружелюбно.

291-м полком командовал полковник Л.Ф. Голандзия, в последующем — комиссар 20-й горнострелковой дивизии. Леонтий Федорович отлично владел фарси, и это очень помогало ему, используя показания населения, выявлять и изолировать крупных купцов, оказывавших помощь фашистам, а также немецких офицеров, находящихся в Иране под видом туристов. В окрестностях города Миане были обнаружены склады, в которых хранилось более пятидесяти тонн взрывчатых материалов. Они были предназначены для использования на территории СССР.

Убедившись в том, что наши войска доброжелательно относятся к местному населению, в штаб Голандзия явились хан Сифудин Баят Макинский и наместник шаха хан Азиз. У Макинского в распоряжении имелось 400 деревень и огромный особняк. Он стал говорить с командиром полка на чистом русском языке.

— Откуда знаешь по-русски? — спросил Голандзия.

— Я окончил Петербургский университет, моя мать русская, она дочь помещика Смоленской губернии, — сказал Макинский. Трое его братьев также говорили по-русски.

Хан Азиз окончил гимназию в Ереване, в Харькове имел большой дворец. Русским языком владел хорошо.

Голандзия зачитал им манифест шахиншаха Ирана, в котором он обращался с призывом к своему народу и ханам соблюдать порядок, так как Красная Армия никому не угрожает.

Макинский подарил нашей армии 500 пудов сена, 300 барашков, 20 пудов риса за то, что нашел свой дворец в полной сохранности. Иранские ханы были удивлены, что русский офицер Голандзия свободно говорил, кроме персидского, по-английски и по-турецки. В качестве подарка они преподнесли ему и офицерам штаба дыни, виноград и другие фрукты.

В тесном взаимоотношении с нашей 20-й дивизией действовала 63-я дивизия генерал-майора Крупникова. Комиссаром 63-й дивизии был полковник Очкин.

Немало немецких агентов, диверсантов и разведчиков мы разоблачили и изолировали. В Ардебиле разоблачили немецкого разведчика. Он показал, что в Иран парашютным десантом должен был прибыть немецкий корпус. Но русские появились совершенно неожиданно

и нарушили все планы немцев. Стратегические объекты оказались под контролем Красной Армии. Противник пытался использовать авиацию, но было уже поздно.

Немецкие резиденты имели звания от майора и выше. У них была разветвленная сеть радиостанций, но наши засекали их и обезвреживали. Приходилось разоружать и иранских офицеров, которые служили немцам.

Мы успешно выполнили поставленные перед нами задачи и сорвали все планы фашистской Германии по использованию Ирана как плацдарма для нападения на нашу Родину.

Вскоре пришел приказ о передислокации нашей дивизии на Черноморское побережье. Обратный путь дивизии лежал через Ардебиль на Ленкорань и далее по железной дороге на Тбилиси и Сухуми».

На заоблачном фронте

Летом 1942 года гаупман Грот был вызван в Берлин в ставку Гитлера. Капитан германской армии Грот был альпинистом, мастером спорта международного класса.

— Гаупман, вам выпала большая честь, — сказал фюрер. — Сформируйте отряд из лучших альпинистов Германии. Ваша задача подняться на главную вершину Кавказа и водрузить на Эльбрусе германский государственный флаг. После выполнения задания — звание майора, рыцарский крест и двухмесячный отпуск домой. Альпинистам, участвующим в операции, — очередные звания, двойное жалование и железные кресты.

Грот понял, что это задача чрезвычайной государственной важности, тем более что приказ исходил от самого фюрера. Сформировать отряд Гроту было нетрудно. Он знал многих альпинистов Германии, а с некоторыми из них в тридцатых годах совершал восхождения на Эльбрус, так что дорога туда ему была знакома.

Грот организовал в австрийских Альпах учебно-тренировочные сборы и приступил к выполнению приказа фюрера. О том, как это было, рассказал в своей книге «На Эльбрусском направлении» член Союза журналистов СССР Олег Леонидович Опрышко. Эта книга написана на документальной основе и потому достоверна и убедительна. Вот что пишет ее автор:

Отличительный знак егерей-«эдельвейсов»

«15 августа 1942 года егеря-«эдельвейсы» вышли на перевал Хотю-Тау и с наглой самоуверенностью переименовали его, установив там деревянный щит с надписью «General Konrad. Pass. 3548 m» («Перевал генерала Конрада. 3548 м»). В тот же день и последующие они заняли расположенные в этом районе перевалы через Главный Кавказский хребет — Чипер и Чипер-Азау. Пользуясь отсутствием здесь наших частей, немцы спустились на их южные склоны. Долиной реки Ненскры егеря продвинулись почти на 10 километров по территории Грузии и вышли на перевал Басса, выходящийся на одном из отрогов Кавказского хребта. Перед гитлеровцами, оседлавшими эти перевалы, открылись пути в Закавказье и в Баксанское ущелье. С Хотю-Тау лежал путь и на Эльбрус.

16 августа капитан Грот, бывавший до войны на Кавказе, вывел «эдельвейсов» на его склоны. Гитлеровцы шли к «Приюту одиннадцати» — высокогорной гостинице, расположенной на высоте около 4200 метров. Там в это время находилось лишь трое наших солдат, составлявших гарнизон «Приюта» и метеостанции, расположенной в пятидесяти метрах на гряде скал, известных под названием «Приют девяти». Работы на самой высокогорной метеорологической точке Кавказа вели зимовщик-наблюдатель Алексей Ковалев, его жена Зоя и радист Яков Кучеренко.

Погода в тот день выдалась ясная и солнечная. Видимость была хорошая. Уже с раннего утра Ковалев заметил большую группу людей, двигавшихся со стороны перевала Хотю-Тау. Судя по всему, они держали путь на Эльбрус. О том, что это могли быть немцы, Ковалев не мог предположить, ведь сводки Совинформбюро, которые они регулярно слушали по радио, все еще сообщали о тяжелых боях в районе Черкесска и Минеральных Вод.

За спиной идущих были рюкзаки, в руках ледорубы и с первого взгляда их можно было принять за наших альпинистов. Уже потом, когда они подошли ближе, Ковалев рассмотрел, что на них чужая военная форма и все они вооружены. Это были немцы.

Группа, в которой насчитывалось более пятидесяти человек, приближалась к «Приюту», отчетливо виднелась на фоне снега и льда. Вскоре часть гитлеровцев залегла, а другие, развернувшись в цепь, пошли к зданию. Оставив наших солдат, вставших у окон с винтовками, Алексей, у которого оружия не было, поспешил к метеостанции, где находились его жена и радист Кучеренко, — надо было предупредить их и уничтожить приборы и радиостанцию.

Через несколько минут они услышали хлопки винтовочных выстрелов, взрывы гранат и автоматные очереди — это вели неравный бой наши бойцы.

Потом все стихло. Вскоре Ковалев с женой и Кучеренко услышали немецкую речь, и в помещение станции ворвались гитлеровцы. На следующий день, после допроса, все трое были отправлены вниз в Баксанское ущелье...

Выйдя первым отрядом к «Приюту одиннадцати», егеря в тот же день частью сил спустились ниже, к «Ледовой базе», на высоту 3900 метров. Подбрасывая резервы, немцы закреплялись в этих местах. В то же время Грот, исполняя приказ Гитлера, повел группу на вершину Эльбруса.

И вот в военных сводках гитлеровцев появилось сообщение:

«Главная ставка фюрера. 25 августа 1942 года.

Верховное командование вооруженных сил сообщает:

...21 августа в 11 часов утра государственный германский военный флаг поднят на Эльбрусе — величайшей вершине Кавказа — на высоте 5633 метра над уровнем моря».

1 сентября газета 1-й танковой армии «Панцер форан» в хвастливом тоне оповестила: «...Часть дивизии под командованием капитана Грота в бушующую снежную бурю водрузила на Эльбрусе военный флаг и вымпел дивизии «Эдельвейс». На всех значительных горных перевалах вокруг Эльбруса стоят на страже горные стрелки дивизии «Эдельвейс» и ожидают дальнейших приказаний».

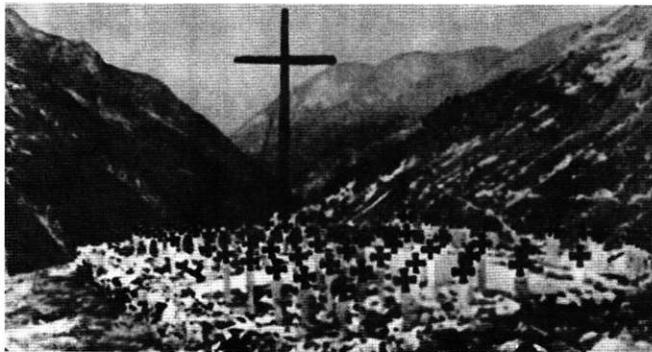
Вся пропагандистская машина Геббельса — все гитлеровские газеты, берлинское радио — подняли большой шум вокруг этого события, преподнеся его как покорение Кавказа и его народов. Капитана Грота и его егерей сделали в те дни национальными героями Германии. Их беспрестанно показывала немецкая хроника «Ди Дойче Вохеншау». Фотоснимки «героев Эльбруса» мелькали на страницах газет и журналов. Гитлеровцы били в фанфары, с грандиозной помпой отмечая занятие «эдельвейсами» Эльбруса, настойчиво повторяя, что «это роковой этап большевизма». В общем-то, это был обычный трюк нацистской пропаганды, рассчитанной на широкие круги Германии и ее союзников».

Замерзая и коченея среди вечного льда и снега, немцы держались на склонах Эльбруса вплоть до января 1943 года, когда в этом давно уже не было необходимости. Хотя с самого начала занятие немцами Эльбруса — «...это значительное достижение альпинизма, — как писал об этом в своей книге «История Второй Мировой войны» генерал Типпельскирх, — не имело ни тактического, ни тем более стратегического значения» (К. Типпельскирх. История Второй мировой войны. — М., Издательство иностранной литературы, 1956, с. 236).

После крупного поражения германских армий под Сталинградом, под напором наших войск вражеские армии стали отступать с Кавказа.

Фронт от Эльбруса откатился на сотни километров, а истрепанный ветром германский государственный флаг и вымпел дивизии «Эдельвейс» еще находились на Эльбрусе. Их следовало сбросить оттуда и водрузить на Эльбрусе государственный флаг СССР. Эту задачу бывший командующий Закавказским фронтом генерал армии И.В. Тюленев приказал выполнить нашим военным альпинистам. Восхождение на Эльбрус потребовало от наших скалолазов невероятных усилий, потому что это было в разгар зимы, в феврале 1943 года. Был сорокаградусный мороз. Затем

стал дуть шквальный ветер, повалил снег, туман и жгта окутали горы. В таких сложнейших условиях подниматься в горы было просто невозможно, приходилось ждать улучшения погоды. Но приказ был выполнен

Кладбище немецко-фашистских захватчиков в горах Кавказа

точно и в срок — гитлеровская символика была сорвана и флаги нашей Родины были установлены на высочайшей вершине Кавказа.

На склонах Эльбруса были видны землянки и укрепления врага, заграждения из колючей проволоки, деревянные кресты на могилах тех, кому Гитлер обещал кресты железные.

Обрывки гитлеровских флагов и вымпелы дивизии «Эдельвейс» наши альпинисты доставили в Тбилиси и передали генералу армии И.В. Тюленеву.

Немного о себе

Моя юность прошла на фронтах Великой Отечественной войны. Особенно запомнились бои на Кубани. Сколько пройдено дорог! Сколько пережито! Рассказ об этом увел бы меня в сторону от основной темы, копирую я решил освоить. Но о трех эпизодах, которые мне запомнились на всю жизнь, я все же решил поведать читателю. Прошло более 60-ти лет, а эти трое — погибший в жестоком бою брат Сократ и уже ушедшие из жизни фронтовой друг Алексей Иванович Ефимов (по возрасту он мне поделился в отцы) и фронтовой радист Владимир Подколзин, с которым я познакомился в эфире, тревожат мою память, — все чаще приходят во сне с однополчанами и напоминают о пережитом.

Я благодарен Михаилу Баранову за то, что он помог мне выразить те чувства, которые меня волнуют все эти послевоенные годы.

*Во снах ко мне приходят из огня
Окопные друзья, мои однополчане,
И вновь зовут в последний бой меня
За Правду, за Отечество, за Память!*

Разговор с погибшим братом

*...Пускай ты умер!
Но в песне смелых и сильных духом
Всегда ты будешь живым примером,
Призывом гордым к свободе, к свету!*

М. Горький

Июль 1942 года. В наших домах раньше обычного зажглись керосиновые лампы (электроэнергии в то время в Красной Поляне не было). В середине ночи нам были вручены повестки, в них значилось: «явиться в Адлерский райвоенкомат для отправки на фронт». Утром мы всем классом собрались на автостанции. Здесь состоялся небольшой митинг, проводы были волнующими. Нам было чуть больше 16-ти, и наши близкие не могли сдержать слез.

Многолюдными были проводы на Адлерском железнодорожном вокзале. Матери и сестры провожали своих сыновей и братьев. На фронт отправлялись юноши 1925 года рождения, Первая остановка была в Сочи. И опять напутствия, объятия, слезы. Первое боевое крещение — в Туапсе, где наш состав попал под вражескую бомбардировку. Вскоре мы с тобой, брат, были направлены в город Гори, где проходила доформирование 276-я грузинская стрелковая дивизия полковника Севастьянова. Помнишь, мы просили командира, чтобы нас, братьев, не разлучали. Нас зачислили в роту связи 873-го стрелкового полка. В сентябре 42-го, пешком одолев более 200 километров по Военно-Грузинской дороге, мы шли на защиту города Орджоникидзе. По пути любовались красотой Дарьяльского ущелья, сравнивая его с нашим Ах-Цу, а долину Терека — с долиной Мзымты. Мы не могли даже представить себе, что нас ждет впереди.

Таким я окончил войну

*Мой брат Сократ Цхомария
в детстве*

Враг подошёл к городу Орджоникидзе. Казалось, с часу на час он прорвется к городу, выйдет на Военно-Грузинскую дорогу и по ней устремится к столице Грузии Тбилиси. Какие мы здесь пережили бои! Юность наша мужала...

Я помню, как в разгар боя ты находился на линии связи и, рискуя жизнью, одно за другим устранял повреждения телефонного кабеля. Ты был для меня образцом.

«Молодцы, братья! Благодарю за бесперебойную связь!», — так отозвался о нашей боевой службе командир роты связи капитан Зубрицкий.

Это была первая похвала командира. А сколько было их потом, когда мы участвовали в боях по освобождению городов и станиц Кубани...

Я часто вспоминаю, брат, как в узком, небольшом окопе, в котором мы с тобой укрылись, ты сказал: «Дожить бы до тридцати», — мы каждый день видели кровь и смерть наших боевых друзей. Твои слова запали мне в душу и не давали покоя. После войны они стали эпиграфом к экспозиции «Мы помним вас поименно», оформленной в мемориальном зале историко-краеведческого музея «Красная Поляна». Твои слова подхватил учитель и посвятил их нашим одноклассникам, не вернувшимся с войны домой. Привожу их полностью:

*Дожить бы лет до тридцати —
Солдаты юные мечтали,
Но был преградой на пути
У них рубеж огня и стали.
До мирных, добрых дней любой
Из них дожить мечтал когда-то,
А сами уходили в бой,
Откуда не было возврата.
Смерть их брала по одному,
Порою милоя за смелость,
Рвались в бой парни потому,
Что очень уж им жить хотелось.*

Все они, как и ты, брат, шли в ад кромешный и не дрогнули. В то время нам было столько, сколько нынешним десятиклассникам.

Ежегодно 9 Мая вся наша школа замирает в минуте молчания. Это минута памяти павших. Один за другим учащиеся с 1-го по 11-й класс идут в мемориальный зал на Вахту памяти. Каждому из 17 павших посвящается оригинальная композиция из цветов и предметов, напоминающих суровые годы войны. На Вахту памяти приходят ветераны войны, многие жители поселка. Никого не оставляют равнодушным слова, вычеканенные в металле: «Остановись здесь! Почти нашу память минутой молчания. Мы отдали жизнь за твое счастье! Мы, как и ты, безгранично любили жизнь, но в грозный для Родины час каждый из нас нашел в своем сердце мужество совершить подвиг. Мы погибли за Родину. Не забывай, какой дорогой ценой завоевано твое счастье».

Прости, брат, что я так долго не мог навестить твою могилу. Я был в тех местах, которые мы освобождали от фашистских захватчиков. Побывал в станицах Петровской, Анастасиевской, Варениковской, Курчанской, Старо-Титаровской, на прикубанских хуторах, и нигде не мог найти твою могилу. В безбрежной кубанской степи это оказалось непросто. Я был на грани отчаяния.

Из письма военного комиссариата города Славянска-на-Кубани я узнал, что братская могила воинов 276-й Темрюкской стрелковой дивизии находится на хуторе Белики. Я выехал туда в сопровождении секретаря Союза журналистов Кубани И.П. Лотышева и экскурсовода из Адлера В.Л. Урусова. Этот день, 9 октября, совпал с днем полного освобождения Кубани от фашистских захватчиков. Сердце колотилось от волнения, когда я подходил к братской могиле. Она огорожена и хорошо ухожена. Но внимание привлекло другое — множество мемориальных досок с именами воинов нашей дивизии. Здесь они нашли вечный покой. Глазами пробегаю первую доску, вторую, третью... десятую... Я потрясен! Как много павших однополчан, как много знакомых и близких сердцу имен...

В центре мемориала вижу: на мраморной плите изображена скорбящая мать, возлагающая цветы к могиле, и тут же, видно, недавно установленная мраморная доска, на которой записано: Цхомария С.Л., Шенявский А.И., Швед В.Р.

С трудом сдерживаю себя от волнения. По давней традиции нашего народа, мы помянули добрым словом всех спящих здесь вечным сном. И тут я вспомнил трагический для нас день 16 марта 1943 года. Наш 2-й батальон 873-го стрелкового полка сильно выдвинулся вперед. Новый комбат, капитан Мазалов, которому мы доложили, что прибыли в его распоряжение для поддержания телефонной и радиосвязи со штабом полка, никак не

мог запомнить нашу фамилию. Узнав, что тебя зовут Сократом, он назвал тебя Философом — по имени знаменитого грека. Не успели мы как следует закрепиться, как над нами появился вражеский разведчик «Фокке-Вульф», затем бомбардировщики «Юнкерс-88» стали бомбить наши позиции, а через несколько минут появились и танки со зловещими крестами.

Артиллерийский огонь врага прижал нас к земле. Камыш, в котором мы пытались укрыться, косил пулеметный огонь противника. Мы несли большие потери. Вражеские танки ворвались в наши боевые порядки. Немецкие автоматчики, укрывшиеся за башнями танков, поливали свинцом наши позиции. Огонь достиг чудовищной силы. Вокруг нас властвовала смерть.

Но было и бессмертие. Наши бойцы не дрогнули, стояли насмерть. Гибли и защищающиеся, и атакующие. Горели вражеские танки. В один из моментов боя ты, брат, оказался в выгодной позиции, позади вражеского танка.

— Философ, атакуй! — послышалась команда.

Ты поднялся во весь рост и, бросив зажигательную бутылку в танк, открыл огонь из своего автомата. С танка повалились серые шинели.

Комбат взял у меня микрофон.

— Атака отбита, горит последний танк фашистов, — докладывал он командиру полка подполковнику Ергушеву.

И вдруг слышу, кто-то докладывает комбату: «Убит Философ». Услышав это, я не мог выдать ни слова. Судороги перехватили горло. Я не мог подняться...

Так и не удалось мне, брат, показать тебе пряжку, что была на ремнях тех, кто нас атаковал. На каждой из них было написано «Гот мит унс» — «Бог с нами». Но разве Бог мог быть с такими извергами, какими были фашистские захватчики? Что творили они на нашей земле! Нет, Бог был с нами, с теми, кто боролся за свое Отечество, за свободу и независимость своей Родины.

Иногда я удивляюсь, как же я остался в живых в том ожесточенном бою 16 марта 43-го года, когда шансов уцелеть у нас почти не было. А таких боев на пути к фашистскому логову было немало. Свое двадцатилетие я отмечал в Берлине и был безмерно рад за нашу Великую Победу и до боли в душе огорчен тем, что тебя, брат, не было рядом.

В Берлине я дал клятву: по возвращении домой увековечить твою память и память наших друзей, кто со школьной скамьи ушел с нами на Великую Отечественную войну и пал за Родину смертью храбрых. Я счастлив оттого, что мне удалось это сделать.

Каждый раз, когда я вхожу в мемориальный зал нашего музея, смотрю, брат, на твою фотографию. Ты такой же молодой, как и в те годы,

когда мы ходили на речку купаться и ты на спор переплывал неистовую Мзымту в любом месте! Я гордился тобой и особенно тем, что среди других мальчишек ты отличался смелостью и находчивостью. Молодым ты остался навечно...

Годы бегут. 9 мая 2012 года мы будем отмечать праздник нашей Великой Победы. Время посеребрило наши головы. Но в памяти нашей ты остаешься живым.

Еще я должен тебе сказать, брат, что родословная твоя продолжается. Когда наш младший брат Александр стал мужем Валентины Савельевны, их первенец в честь тебя был назван Сократом. Он уже семьянин. У него трое детей. Старшую дочь в честь матери твоей он назвал Настенькой, а сына — Александром, в честь отца. У тебя славные племянницы. Старшая — Тамара, по мужу Карташова, возглавляет Южно-Российское бюро телекомпании РенТВ, является собкором по Северному Кавказу и членом бюро Сочинского отделения Союза журналистов России. Вторая племянница — Алена — в совершенстве овладела греческим языком и работает в Греции.

Недавно Валентина Савельевна со своими детьми была у твоей могилы в хуторе Белики. У вашей могилы она опустила на колени:

— Дорогой Сократ, я тебя ни разу не видела. Я не знала тебя, но ты родной брат моего покойного мужа, и я низко склоняю голову перед твоей светлой памятью. Мои дети, внуки и правнуки всегда будут помнить о тебе. Ты всегда будешь жить в наших сердцах как герой и будешь ярким примером верного служения Родине.

«Сокол, я Чайка!»

Шел 1943 год, 276-я дважды Краснознаменная стрелковая дивизия успешно продвигалась вперед, освобождая от врага один за другим населенные пункты Кубани.

Рота связи 873-го стрелкового полка, в которой я служил, разместилась в районе хутора Свистельниково. Стрелковые батальоны готовились к освобождению хутора. Связисты протянули к ним от штаба полка телефонные линии. У нашего радиовзвода на вооружении были радиостанции РБМ (радиостанция батальонная). Мы, радисты, старались использовать каждую свободную минуту, совершенствуя работу телеграфным ключом. Микрофоном пользовались чаще в условиях боя.

Однажды во время фронтового затишья, находясь один в землянке, я включил приемник, чтобы прослушать эфир. Среди множества радиозвуков обратил внимание на четко отстукиваемый на ключе сигнал

«Внимание». Дальше слышу: «Я Сокол, я Сокол! Кто меня слышит? Прием!» Радист пользовался сокращенным кодом, который мы хорошо знали на память. По черк радиста был удивительно красивый, яркий, звучал, словно музыка. Я понял, что в эфире радист высокого класса. Включил передатчик, нажал на телеграфный ключ: «Сокол, я Чайка, ЩСАЧ». Это означало: «Слышу вас хорошо».

Радиостанция РБМ
в музее «Красная Поляна»

«ОМ ГМ», — послышалось в ответ. Это означало: «Дорогой товарищ, доброе утро! Кто вы?» Я назвал свое имя. «А я Владимир», — представился он. Мы договорились встретиться в эфире на следующий день в это же время.

Вся эта радиосвязь длилась несколько секунд. Мы знали, что связь, не имеющая непосредственного отношения к военной службе, запрещена. Да и в специальной памятке было крупным шрифтом выделено: «Связист, будь осторожен, враг подслушивает». Правда, в данном случае наша связь не содержала никаких сведений военного характера.

В ходе боев связисты нашей роты, зачастую в очень сложной обстановке, четко обеспечивали бесперебойную телефонную и радиосвязь с подразделениями полка. Нам, радистам, особенно напряженно приходилось работать, когда телефонная связь обрывалась. А случалось это довольно часто, так как кабель обрывали осколки мин, снарядов, гусеницы танков и т.п.

Прерывалась периодически и моя связь с Владимиром. И все же в моменты фронтового затишья мы находили друг друга. Это были минуты радости.

Большой радостью для всех было полное освобождение Кубани от фашистских захватчиков. Дивизии нашей, участвовавшей в освобождении Темрюка, было присвоено звание Темрюкской. Радисты роты связи 873-го стрелкового полка — Ефимов, Нечипоренко и я — были награждены орденом Красной Звезды. А связь с Владимиром прервалась надолго, но в памяти моей была жива.

Прошло тридцать лет после войны. Я стал учителем, много энергии отдавал туристско-краеведческой работе, созданию историко-краеведческого музея «Красная Поляна».

Однажды, выступая на пленуме районного комитета ДОСААФ, я коснулся вопроса подготовки технических специалистов в средних школах, организации кружков радиотелеграфистов, радиооператоров, охоты на лис и т.п. Привел пример из боевой деятельности радиста в годы войны. В перерыве ко мне подошел человек, спросил: «Вы были радистом на фронте? Не могли бы вы вспомнить вашу позывную в сентябре-октябре сорок третьего года, если это было на Кубани?» — «Да, — ответил я, — это было на Кубани, и я был Чайкой». Не успел я договорить, как он восторженно произнес: «Перед вами Сокол!» — «Так вы Володя?» — воскликнул я. Мы по-фронтовому обняли друг друга. Пришлось обоим и носовые платочки достать, чтобы утереть слезы радости по поводу встречи спустя тридцать лет после войны.

И только тогда я узнал, что Владимир Иванович Подколзин служил в отдельном 95-м отряде особого назначения, а после войны, работая начальником радиостанции Адлерского рыбозавода, уделял много внимания подготовке из молодежи специалистов радиодела.

Меня ждал приятный сюрприз. Владимир Иванович отдал в дар народному историко-краеведческому музею «Красная Поляна» радиостанцию РБМ, при помощи которой в грозном 1943 году Сокол подружился с Чайкой. Всю войну он сумел пронести ее с собой по военным дорогам и сохранить как память о тех незабываемых днях...

Пирожки к празднику

Весной 1943 года после легкого ранения я был направлен на кухню в помощь шеф-повару. Как я обрадовался, увидев на кухне своего друга — радиста Алексея Ивановича Ефимова! До войны он работал механизатором в совхозе «Кубань» и был мастером на все руки.

Мы стояли под хутором Свистельниково. Хутор, насчитывавший всего 30 дворов, имел важное стратегическое значение как для нашей стороны, так и для немцев, и поэтому у хутора шли жаркие бои.

Немецкое командование приняло решение соорудить здесь так называемую «Голубую линию»: Новороссийск — ст. Крымская — высота 121,4 (ныне Сопка Героев) — ст. Киевская — хутора Свистельниково, Коржевский, Горишний и Перекопка. «Голубая линия» была оборудована дотами и дзотами из новороссийского цемента. Вся линия была ограждена колючей проволокой в пять рядов. Между ними все было заминировано. В воздухе с утра до вечера висела «рама» — самолет-корректировщик. Всю «Голубую линию» занимали отборные горнострелковые полки, штрафные подразделения и офицерские части 17-й немецкой армии.

Здесь погиб командир полка подполковник Казаков и командир 1-й

батареи капитан Чхеидзе. Они похоронены в станице Петровской.

Наши связисты все находились на передовой, и мы с Ефимовым должны были готовить им завтрак и ужин. Еда доставлялась на передовую ночью, днем сделать это было невозможно из-за сильного обстрела врагом наших позиций, находящихся на открытой местности.

Наша кухня располагалась в одном из хуторских домов — крыши у строения не было, вместо нее натянули брезентовую палатку. В доме стояла большая русская печь, ее не топили, и в ней жил кот, оставленный бежавшими хозяевами. А готовили повара во дворе, на костре. Недалеко от дома стояли две подводы без лошадей.

Приближался праздник 1 Мая, и мы задумали сделать однополчанам приятный подарок — испечь пирожки с картошкой. На фронте, где полевая кухня кормила в основном перловым супом и кашей, пирожки были невероятным лакомством. У нас было 2 мешка трофейной муки, была и картошка. Алексей Иванович месил тесто, а я носил воду — в 150 метрах был небольшой пруд, из которого надо было медленно и осторожно, чтобы не поднимать ила, набрать воду. Было тяжело, но дело спорилось, и мы радовались, думая о том, каким подарком для бойцов на передовой будут вкусные горячие пирожки — по два на каждого.

И вот дело было сделано.

Затемно пришли с передовой дежурные с термосом. Забрали кашу, очень были рады пирожкам. У нас осталось где-то пирожков 40. Часть мы решили оставить для своих командиров, которые еще не вернулись с передовой, часть — съесть самим. В ходе работы ни я, ни Ефимов пирожков даже не попробовали.

Только наши ребята ушли, появился старшина роты связи Лашхи с капитаном-замполитом, который больше заботился о том, что бы вкусно съесть, чем о проведении политбесед с бойцами. Ни одной беседы ни я, ни Ефимов, ни другие связисты от него не слышали.

Увидев в чане пирожки, они похвалили нас, выдали нам по два пирожка, а остальные стали с усердием уплетать и пить водку. Мы же с Ефимовым должны были по новой заправлять котлы, готовить еду. Завтрак для бойцов мы должны были подготовить до рассвета.

После ужина старшина с политруком, фамилию которого я так и не запомнил, ложились спать, а один из нас должен был стоять с оружием на посту, второй после 2-часового отдыха должен был его сменить.

Во время, когда я стоял на посту, ко мне подошел Ефимов.

— Угощайся, — сказал он мне и подал штук шесть пирожков.

— Как же так, где ты их взял? — удивился я.

— Кушай на здоровье, — ответил мне друг.

Оказалось, он дождался, пока старшина с замполитом уснут, открыл печь, в которую они спрятали кастрюлю с пирожками, взял, сколько захотел, и закрыл в печи котла, вместе с оставшимися пирожками.

Наутро начальство решило хорошенько позавтракать. Лашхи открыл заслонку, а оттуда медленно, по-хозяйски вышел кот!

— О! — вскричал старшина, — откуда здесь котла? (Он был родом из Грузии, и с русским языком у него были нелады.) — Ефимов, иды суда!

Алексей Иванович в это время еще стоял на посту. Услышав зов, он явился.

— Откуда взялся в печке котла, Ефимов?

Тот выразил недоумение.

— Понятия не имею, — ответил Ефимов, — знаю, что там его хата, а когда он вошел в нее, не знаю.

Лашхи достал из печи кастрюлю, пирожки оказались надкусанными.

— Вах, вах! — горевал старшина.

— Черт подери этого котла, — произнес замполит.

Я в это время проснулся, натянул шинель на голову и, слушая ругань, кусал губу, чтобы не рассмеяться и не выдать друга.

Когда они ушли, Алексей Иванович, глядя мне в глаза, спросил:

— Ну как, понравилась тебе моя «политбеседа» с ними?

— Алексей Иванович, дорогой мой друг, я эту «беседу» запомню на всю жизнь!

После войны Ефимов приезжал ко мне в Красную Поляну (в моем архиве есть наши фотографии), мы поднялись на обзорное место в районе Царского охотничьего домика и среди других эпизодов вспомнили и о том, как прочили на фронте старшину с замполитом...

Экспонат из огня

Шел 1943-й год. 20-я горнострелковая дивизия с боями продвигалась вперед, освобождая от врага города и станицы Кубани. На пути 174-го Краснознаменного полка дивизии оказалась станица Неберджаевская. Ее нужно было освободить от оккупантов. После артиллерийского удара бойцы поднялись в атаку, но ожесточенным огнем противника были прижаты к земле. Командир полка приказал подготовить более плотный артналет. Не помогло и это. Тогда он решил переменить направление удара.

Во время очередной атаки начальник разведки полка старший лейтенант Кучерявенко оказался в выгодной позиции. С высоты, где он находился, Неберджаевская хорошо просматривалась. Разведчик обнаружил

зарытые в землю танки, позиции минометов, десятки пулеметных гнезд, окопы, траншеи, ведущие от дома к дому, проволочные заграждения...

В планшете офицера оказался лист плотной бумаги. У разведчика родилась идея изобразить на бумаге панораму станицы и нанести на нее огневые точки противника.

Помощник Кучерявенко, словно ассистент хирурга, помогал начальнику, выполняя его команды: подать циркуль, карандаш, линейку, резинку...

Вражеские батареи вели интенсивный огонь по нашим позициям, а Кучерявенко тем временем определял их координаты, наносил на карту-схему. К вечеру она была готова.

В штабной землянке за столом, наскоро сбитым из досок, над картой-схемой склонились командир полка, начальник штаба и начальник разведки. Докладывал Кучерявенко. Он уже хорошо изучил местность и образцово ее изобразил. Вот и дорога, идущая через станицу. Карандаш Кучерявенко на секунду задерживался, указывая на отдельно стоящие деревья, дома, траншеи...

Вот и НП противника, за которым замаскирована минометная батарея врага. У отметок 136, 141, 132 — пулеметные точки. Особенно много их в восточной части станицы у отметок 111, 121, 112, 127, 138. На западной окраине, вблизи дороги, — длинное здание, по-видимому, школа...

После подробного доклада начальника разведки началась работа по уточнению координат огневых точек противника и данных для батарей.

Наша артподготовка оказалась эффективной. Несмотря на ожесточенное сопротивление противника, у атакующей пехоты наметился успех. Некоторые огневые точки врага вообще молчали: они были подавлены огнем нашей артиллерии, и это потом подтвердили пленные.

После освобождения станицы командир полка вызвал старшего лейтенанта Кучерявенко.

— Ты словно сфотографировал станицу, молодец, держи на память. И передал карту ее автору.

Фронт уходил все дальше на запад. Наши войска уже вели бои за освобождение Варшавы...

Прошли годы. Бывший командир штабной батареи 20-й дивизии Елисей Владимирович Леонтович приехал в Красную Поляну. Зашел в школьный музей. Здесь собрались учителя, школьники-следопыты. Встретили ветерана очень тепло, угостили, вручили памятный знак о Красной Поляне.

Голос ветерана дрогнул, когда он стал рассказывать о том, как в бою за Варшаву батарея попала под ураганный огонь врага. Леонтович увидел: снаряд, разорвавшийся у наблюдательного пункта, сразил его боевого друга.

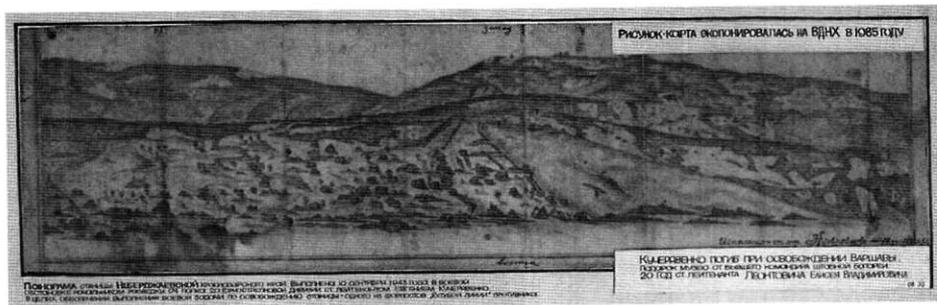

Рисунок-схема станции Неберджаевской, выполненный старшим лейтенантом Кучерявенко в боевых условиях

Похоронили старшего лейтенанта Евгения Кучерявенко, как и подобает, с воинскими почестями.

— Планшет Евгения я до конца войны носил с собой, — сказал Елисей Владимирович, — он и сейчас у меня. — Из всех документов, что находились в планшете друга, для нас, его боевых друзей, особую ценность представляет карта-схема станции Неберджаевской, выполненная в боевой обстановке Евгением Кучерявенко. Считаю, что она займет достойное место в школьном музее, где экспонируются личные вещи однополчан 20-й дивизии.

Школьники заверили ветерана, что дошедший до нас экспонат из огня будем хранить как священную реликвию.

Более полувека прошло с того дня, когда Евгений Кучерявенко поставил последний автограф на карте-схеме Неберджаевской, а она все еще волнует людское воображение и словно хранит в себе запах пороховой гари и крови.

В 1985 году эта карта-схема была представлена в экспозиции музея Краснополянской средней школы № 65 на ВДНХ в Москве и удостоена высокой оценки выставочного комитета...

60-й год нашей Победы. Станицу Неберджаевскую не узнать в эти дни. Она выросла, похорошела. В зеленом наряде ее сады. Нет здесь ни окопов, ни проволочных заграждений... Но люди не могут забыть войну. С венками и букетами цветов они идут к мемориалу, чтобы почтить память павших в боях за родную станицу. И никого не могут оставить равнодушным слова: «Сыны Отечества, чей прах покоится в земле станции Неберджаевской...»

На Умпырском направлении

Из воспоминаний генерала А.П. Турчинского

В 1965 году в поселке Красная Поляна города Сочи состоялся слет ветеранов 20-й горнострелковой дивизии 33-го мотострелкового полка войск НКВД, участвовавших в обороне перевалов, через которые альпийские части врага пытались выйти к Черноморскому побережью в районе Адлера и Сочи. Из разных городов страны на слет приехали 178 человек. О самом слете, который проходил в течение 12 дней, будет рассказано отдельно. Бывший командир 20-й горнострелковой дивизии генерал Адам Петрович Турчинский приехать не смог. Для сбора исторических сведений мне пришлось выехать в Симферополь, где в то время проживал генерал Турчинский. Моим спутником был бывший комиссар дивизии полковник Леонтий Федорович Голандзия.

Турчинский встретил нас радушно. В течение нескольких дней мы внимательно слушали его воспоминания. Он говорил с небольшими перерывами для отдыха и все время заглядывал в свои дневниковые записи. Мы старались его не перебивать.

Он рассказывал, что после возвращения из Ирана 20-я дивизия получила приказ занять оборону по отрогам Главного Кавказского хребта

Слева направо: генерал А.П. Турчинский, автор, Л.Ф. Голандзия

та в районах Сухуми, Нового Афона, Гагры, Красной Поляны, Солохаула, Фишта, Сочи, Лазаревского.

Для одной дивизии это была огромная территория, но приказ не подлежал обсуждению, его следовало только исполнять.

Дивизии предстояло наметить рубежи, перекрыть все подступы к горным районам со стороны Северного

Кавказа, не допустить выхода противника на морское побережье, предупредить высадку вражеских морских десантов, увязывая свои действия с Туапсинской военно-морской базой, которой командовал контр-адмирал Орлов.

Особое внимание было обращено на русло горных рек, впадающих в Черное море и берущих свое начало в горах Кавказа: Белая, Лаба, Юпшара, Гега, Бзыбь, Черная, Мзымта и др., — с тем, чтобы не допустить просачивания мелких групп и разведки противника, скапливания их на побережье.

Сцелью бесперебойного подвоза боеприпасов, военно-инженерного имущества, снаряжения, вооружения, продовольствия войскам, на-

На горных перевалах Кавказа. Осень 1942 г.

ходящимся в высокогорных районах, были оборудованы перевалочные базы в горах, проложены маршруты подвоза по горным тропам, сформированы горно-вьючные транспортные подразделения. Основной командный пункт дивизии был в Красной Поляне. Штаб дивизии находился в Сухуми, потом переместился в Сочи, затем в Красную Поляну. Тылы дивизии находились в Гудауте. Телефонная и дублирующая связь с частями, тылами и Туапсинской военно-морской базой поддерживалась бесперебойно.

Заняв выгодные рубежи, части дивизии приступили к оборонным работам, распределению огневых средств: артиллерии, минометов, пулеметов и др. Это заняло немало времени. Много труда было затрачено на расчистку секторов обстрела в горно-лесистых районах разных направлений, оборудование огневых рубежей и артиллерийских позиций, наблюдательных пунктов, на установку минных и проволочных заграждений, лесных завалов. На некоторых участках обороны были перекрыты горные ущелья, теснины, дефиле¹, водоразделов, идущих со стороны противника, перевальные точки на горных хребтах.

¹ Дефиле — ущелье, узкий проход между возвышенностями или водными преградами.

Много сил потребовало сооружение окопов, траншей, ходов сообщения, устройство рокадных² дорог и троп для маневров частей и подразделений. Большое внимание уделялось оборудованию вьючных средств, медико-санитарному обеспечению частей, организации ПВО, строительству убежищ, землянок, щелей. Все эти трудоемкие работы проводились вручную, в короткие сроки и в любую погоду. С большим напряжением и упорством велась войнами работа по строительству инженерно-фортификационных сооружений. Значительную помощь в этом оказывали жители Абхазии. С их участием все оборонные работы быстро продвигались вперед. Инженерно-саперные работы проводились в лесных высокогорных массивах на высоте 2-2,5 тысячи метров над уровнем моря. Все это осложняло работу, отражалось на состоянии людей, материальной части, вьючных животных.

С досадой говорил Адам Петрович о том, что карт крупного масштаба у нас не было, были карты мелкомасштабные. Поэтому часто приходилось прибегать к помощи опытных следопытов-охотников, которые в качестве проводников оказывали нам неоценимые услуги. Способствовало нам и то, что 20-я дивизия на 80 процентов была укомплектована личным составом из жителей Грузии. Командирам, знавшим грузинский язык, легче было договориться с местными жителями о необходимой помощи в оборонных работах.

Большую помощь оказывал полковник Хубаев. Он работал в тесном контакте с местным населением и советскими органами, что способствовало борьбе с просачивавшимися по руслам рек авиадесантным группам противника, фашистскими парашютистами, которые сосредоточивались в высокогорных долинах и горно-лесистых массивах.

На Черноморском побережье отрывались и цементировались окопы, дзоты, капониры для артиллерии (сборные железобетонные брусья и стенки), устанавливались на площадках дальнобойные гаубицы.

На последнем этапе оборонительных работ от наших передовых частей стали поступать донесения о появлении разведывательных групп противника, с которыми завязывались короткие боевые стычки. Из допросов плененных было установлено, что перед фронтом 20-й дивизии появились фашистские горноальпийские части 49-го горнострелкового корпуса. Они пытались разведкой установить наличие подступов, перевалов, имея задачу выйти к морю.

В скором времени на этом направлении начались упорные кровопролитные бои с передовыми альпийскими частями фашистов. Они имели

² Рокада — путь сообщения, линия связи, проходящая вдоль линии фронта

хорошую экипировку, вооружение и даже топографические карты крупных масштабов. Вражеская авиация бомбардировала Красную Поляну, Адлер, Сочи, Лазаревское, Туапсе, Новороссийск.

В связи с создавшейся обстановкой и прибытием 62-й стрелковой дивизии по приказу командующего Закавказским фронтом была проведена перегруппировка частей. Сухумский боевой район передавался 62-й стрелковой дивизии, а части 20-й дивизии перебрасывались в район Сочи и Лазаревского.

Полоса обороны дивизии стала меньше, что дало возможность сделать ее более устойчивой и непреодолимой. Перегруппировка проводилась исключительно в ночное время, с мерами тщательной маскировки, четко и организованно. Фашистская разведывательная авиация, ведшая непрерывные поиски, так и не смогла получить данные о перегруппировке наших частей.

В то время к нам прибыл командующий 46-й армией генерал-лейтенант Леселидзе с начальником штаба генерал-майором Микеладзе. Они убедились, что после перегруппировки части дивизии были достаточно укомплектованы живой силой и техникой.

При посещении частей генерал-лейтенант Леселидзе на месте уточнял направления контратак, определял районы расположения резервов, районы артиллерийских позиций, вносил коррективы в постановку боевых задач частей, находившихся в обороне. Личное пребывание командарма в передовых частях способствовало повышению боевого духа воинов, их стремлению ни при каких обстоятельствах не допускать прорыва фашистской армии к Черноморскому побережью.

В связи с уходом некоторых частей с Кубани в направлении к Сочи генералом Турчинским, по согласованию со штабом 46-й армии, были приняты меры по формированию из них боевых групп, что позволило создать большую плотность обороны на побережье во время боев с наступавшими частями фашистских войск.

Противник часто подвергал бомбардировкам населенные пункты на побережье, но с прибытием зенитных частей воздушная оборона наших войск улучшилась. Налеты авиации противника стали реже, и бомбардировка велась уже с больших высот, зачастую одиночными самолетами. Шли упорные оборонительные бои в горах. Наши части успешно отражали атаки врага, которые повторялись по нескольку раз в день. Ни на одном из направлений обороны врагу не удалось прорваться. Всюду наши войска отбрасывали фашистов назад с большими для них потерями.

Для более эффективных действий в горных условиях, удобства управле-

ния частями и подразделениями, а также снабжения необходимой горной экипировкой войск приказом Верховного Главнокомандования 20-я дивизия была переведена в горнострелковые штаты военного времени. Вооружение, обмундирование и полная экипировка частей были выполнены в короткие сроки. Пришлось произвести необходимую перестановку в горнострелковых полках и спецподразделениях.

Отдельный танковый батальон и отдельный бронедивизион вошли в состав мотомехполка, который остался в составе дивизии и выполнял боевые задачи на побережье Черного моря. Дивизионные и полковые пешие разведкоманды были экипированы горным снаряжением: лыжами, снегоступами, белыми маскхалатами и прочим. Кроме того, в дивизии был сформирован кавалерийский эскадрон, а при каждом горнострелковом полку — отдельные кавалерийские взводы. Конные разведчики были в основном из жителей Грузии, хорошо знавших лесистую местность, жизнь и быт местного населения. В состав конной разведки вошли и некоторые охотники-следопыты, добровольцы, которые раньше были проводниками.

Бои в горах Главного Кавказского хребта имели тяжелый характер. Они требовали от командарма больших усилий, умения и организаторских способностей. Генерал Леселидзе был тесно связан с частями и подразделениями. Не проходило и недели, чтобы он не побывал в частях 20-й горнострелковой дивизии. Регулярно бывал в частях и начальник штаба генерал Микеладзе.

Находясь на переднем крае, они вносили коррективы в планы обороны, помогали решать вопросы взаимодействия между соединениями войск, уточняли группировки противника перед фронтом дивизии, вникали даже в мелочи бытовой жизни воинов.

Турчинский вспомнил такой случай. В горах большими хлопьями валил снег. Взглянув в окно, Адам Петрович увидел подкативший знакомый вездеход, из которого вышел командарм Леселидзе. Ознакомив его с боевой обстановкой дивизии, Турчинский пригласил командарма пообедать.

— Пойдемте лучше обедать к солдатам, — сказал командарм.

Они зашли в один блиндаж, потом в другой. На сколоченном из досок столе стояло ведро, из которого валил пар. Узнав, что это стоит принесенный обед, Леселидзе сказал:

— Вот мы здесь и пообедаем. Вы не будете возражать, товарищи бойцы, если мы с комдивом у вас пообедаем? — обратился командарм к солдатам.

И сразу же послышался дружный многоголосый ответ:

— Нет, нет, пожалуйста, обеда хватит всем.

Командарм, комдив и бойцы уселись за общий солдатский стол. Завязалась дружеская беседа. Бойцы хорошо знали обстановку и точно отвечали на вопросы генерала. Разговор в основном сводился к двум темам: как бы скорее выгнать фрицев с нашей земли и о боевой жизни солдат, их обеспеченности.

— Какое наказание вы предложили бы вынести главному виновнику войны Адольфу Гитлеру, если бы нам удалось взять его живым? — спросил у бойцов командарм.

— Я бы его повесил, — ответил один.

— А я бы напоил его допьяна, — глядя командарму в глаза, ответил второй, — а утром не дал бы похмелиться.

Раздался дружный смех. Командарм похвалил солдат за находчивость и выразил уверенность, что здесь немцы к морю не пройдут, потому что эти рубежи защищают настоящие орлы.

Вспоминая о командарме Леселидзе, Турчинский сказал:

— Это был высокообразованный, талантливый военачальник, отлично знавший артиллерийское дело. Планируя контратаки или контрудар, он создавал мощные артиллерийские группы на этих направлениях и сосредоточенным шквальным огнем уничтожал группировки фашистских войск.

— По заданию командарма, — говорил Турчинский, — часто бывали в войсках офицеры оперативного отдела штаба дивизии. Они помогали командирам частей и штабу дивизии в планировании боя, организации тактической и оперативной разведки.

Адам Петрович рассказал также о борьбе с парашютными десантами противника, которые вели диверсионную деятельность в нашем тылу. Они забрасывались под покровом ночи, а иногда и днем, так как дистанция между нашим передним краем обороны и Черноморским побережьем резко увеличилась. В силу этого немецким парашютистам удалось в нескольких районах совершить налеты на ряд наших населенных пунктов. Поскольку парашютисты противника, как правило, были одеты в форму солдат Советской Армии, первое время жители гор не могли определить их по внешнему виду, но после диверсий, террористических актов, грабежей их стали распознавать и помогали нашим войскам обезвреживать их.

Для борьбы с вражескими парашютистами были сформированы подвижные конные отряды, а на побережье — автомотогруппы. Были организованы специальные наблюдательные пункты на перевалочных точках, пунктах питания и на маршрутах движения транспорта, в городах и поселках было организовано патрулирование.

Парашютистов вылавливали в лесных чащах, ущельях гор. Сопrotивлявшихся уничтожали, сдававшихся брали в плен. Были случаи, когда наши подвижные отряды обнаруживали в долинах рек Черной, Бзыби, Белой немецкие транспортные самолеты, приземлившиеся с грузом для парашютистов или с авиадесантом в несколько человек.

Однажды в долине реки Черной был обнаружен самолет «Юнкерс».

Летчики укрылись в кустарнике, а когда наши подвижные отряды прибыли на место посадки самолета, открыли огонь из автоматов. Несколько наших бойцов были убиты и ранены, но вражеские летчики были уничтожены.

У парашютистов изымались топографические карты разных масштабов и планы местности некоторых районов. Из допросов пленных было установлено, что топографические карты были изготовлены задолго до начала войны.

Были случаи, когда вражеские парашютисты погибали в глубоких ущельях, занесенных снегом. Они погибали, попадая под снежные лавины, и когда теряли

Замерзшие «эдельвейсы»

ориентировку в дремучих заснеженных лесах и горах. Наши разведчики находили трупы замерзших немцев.

Бывший комдив рассказывал и о работе тыла в горах. Бесперебойное и своевременное снабжение в горах боевых частей и подразделений боеприпасами, вооружением, продовольствием, снаряжением, фуражом, саперным и медико-санитарным имуществом, эвакуация раненых и больных в тыловые госпитали требовали максимальных усилий и находчивости. Грузы приходилось доставлять в сложнейших геофизических условиях, с крутыми подъемами и спусками, над пропастями и скальными участками. В горах были частые снежные заносы, обвалы. Бывало, что приходилось отрывать из-под снежных обвалов караваны, обмороженных людей, вьючных животных.

Вьючными животными были лошади, мулы, ишаки. Вьючные седла были приспособлены специально для каждого вида животных с расчетом возможности подъема груза по силе животного. При вьючных животных были штатные вьюководы и специальные команды бойцов охраны транспорта, которые снабжались снегоступами, кошками, тротурами и другим снаряжением.

Для эвакуации раненых использовались носилки, обшитые парусиной, закрепленные на двух вьючных лошадях, следующих одна за другой. Носилки легко покачивались в ритм движения лошадей. Находясь в них, раненые чувствовали себя относительно спокойно.

В районах, где по глубоким ущельям проходили русла горных рек, продовольствие, фураж и другие виды снабжения переправлялись при помощи перекидной трапеции. Это делалось так: перебрасывался надежный трос или канат на всю ширину каньона, концы троса закреплялись на его гребнях, на трос навешивались специальные корзины, емкостью 60-100 кг и груз с помощью ручного ворота переправлялся в нужном направлении.

*На горных перевалах Кавказа.
Осень 1942г.*

На некоторых трудно преодолеваемых участках маршрута наводились подвесные штурмовые мостики для одиночного движения пешеходов. По ним животные проходить не могли. Грузы переправлялись вручную. Иногда приходилось делать деревянные настилы, вырубать выступы на карнизах гор для расширения пешеходных троп, особенно на отрогах Аишхо, Псеашхо, Фишта. Приходилось строить и деревянные склады с запасами и устанавливать надежную охрану, так как в горных лесных массивах Кавказа обитало много различных хищных зверей и диких животных, которые в поисках пищи нападали на продовольственные базы.

В деле снабжения частей особенно проявили себя офицеры: Анджапаридзе, Тихомиров, Чанчибадзе, Габуния, Чичуа, Колосков. Все они были удостоены правительственных наград.

Постоянным проводником Турчинского в горах был сван Читая...

О комдиве 20-й горнострелковой

Есть в городе Сочи улица 20-горнострелковой дивизии, а в Красной Поляне одна из улиц названа именем Турчинского. Названия эти даны неспроста. Они имеют непосредственное отношение к истории нашего города. В годы Великой Отечественной войны, когда в 111-ти госпиталях г. Сочи находились на излечении тысячи наших раненных воинов, 20-я дивизия выполняла важную задачу по защите Черномор-

ского побережья от высадки морского и воздушного десантов противника. Когда же части 49-го корпуса врага устремились к горам, чтобы через перевал выйти к побережью, воины этой дивизии преградили им путь.

В сентябре 1942 года альпийские части противника находились в 30 км от Красной Поляны. Над городом Сочи нависла смертельная опасность. Но враг не прошел благодаря героизму воинов.

За умелую организацию обороны подступов к Черноморскому побережью и проявленное при этом мужество командиру дивизии полковнику Турчинскому было присвоено звание генерал-майора, он был награжден орденом Красного Знамени.

Бои за Кавказ — лишь одна из страниц боевой биографии Турчинского. Вся его жизнь была связана с Вооруженными Силами нашей Родины.

Родился Турчинский в станице Усть-Хоперской, что на Дону, в 1897 г. Рано потерял родителей. Воспитывался у деда-кузнеца. В

18-летнем возрасте пошел в армию. В годы гражданской войны командовал кавалерийским эскадром, в знаменитой Первой конной — полком, затем Туркменским кавалерийским полком по борьбе с басмачеством, кавбригадой. Кстати, комиссаром этой бригады был Иван Ефимович Петров, впоследствии известный военачальник, генерал армии, Герой Советского Союза. Один из немногих Турчинский был награжден орденом Туркменской республики (был такой орден в те годы, им был награжден и М.В. Фрунзе).

Адам Петрович Турчинский

Окончив в Ташкенте Институт восточных языков, а потом Военную академию имени Фрунзе, Турчинский владел арабским, персидским и английским языками.

В Великую Отечественную за героические подвиги награжден двумя орденами Ленина, четырьмя орденами Красного Знамени, орденами Суворова, Кутузова, Богдана Хмельницкого. За керченский десант был удостоен звания Героя Советского Союза.

После войны Турчинский был назначен заместителем командира 1-го гвардейского корпуса, а потом начальником управления боевой подготовки Туркестанского военного округа. Перед уходом в отставку

Личные вещи генерала Турчинского, хранящиеся в музее «Красная Поляна»

был начальником военной кафедры сельхозинститута в Кировабаде.

Последние годы Адам Петрович провел в Симферополе, где жил со своей дочерью Идой Адамовной, которая во время войны была на фронте вместе с отцом.

Прошли годы. Генерала Турчинского уже нет, но память о нем жива. В музее Краснополянской средней школы хранятся его личные вещи — китель, папаха и другие вещи, переданные его дочерью Идой Турчинской. В майские дни, когда наша страна будет отмечать очередную годовщину Победы, ветераны 20-й горнострелковой дивизии вновь встретятся в городе Сочи. В один из праздничных дней они совершат экскурсию в Красную Поляну, чтобы вспомнить о своей боевой юности, почтить память боевых друзей, своего командира генерала Турчинского.

Встреча с «эдельвейсами»

*Когда летело над страной горе,
В ущельях гибли наши земляки,
Грустили с нами даже горы,
И плакали в долине родники.*

Е.Нестерова.

Летом 1942 года в оперативных сводках Закавказского фронта появились названия направлений: Эльбрусское, Клухорское, Марухское, Санчарское, Умпырское и Белореченское.

Боевые действия, происходившие на этих направлениях, хорошо освещены в литературе, за исключением событий, которые происходили на Умпырском направлении. Лишь в периодической печати иногда появлялись материалы о боях на перевалах, через которые немецко-фашистские войска пытались выйти к Черноморскому побережью в район Адлера и Сочи. Поэтому необходимость издания книги о подвигах наших воинов на Умпырском направлении давно назрела. Учитывая пожелания преподавателей и студентов Сочинского государственного университета туризма и курортного дела, я кратко коснусь событий, которые происходили и на некоторых других направлениях, например, на Эльбруском, а также некоторых других вопросов, связанных с историей героической битвы за Кавказ. Эти материалы, по

мнению преподавателей СГУТиКД, могли бы служить учебным пособием для студентов университета, многие из которых желают овладеть профессией экскурсовода.

Умпырское направление получило название от кордона Умпырь Кавказского государственного природного биосферного заповедника. Кордон расположен в 50 километрах от поселка Красная Поляна. Из Северного Кавказа через кордон проходит путь к Черноморскому побережью. Этим путем в период гражданской войны, перевалив через Главный Кавказский хребет, шли многочисленные отряды генералов Улагая и Фостикова на соединение с отрядами, которые действовали на Черноморье в районе Адлера, Сочи и далее. Шли и многочисленные туристские группы. Так что тропы через кордон были хорошо найдены. Этот путь вражеским «эдельвейсам» был хорошо знаком. Немецкие туристские группы в 30-х годах проходили через кордон Умпырь, лагерь Уруштен и перевал Псеашхо к морю. Среди этих туристских групп находились военные разведчики, которые были взяты на спецучет и во время войны были назначены в горноальпийские части противника проводниками.

Комдив Турчинский и не предполагал, что немцы могут наступать со стороны гор. Об этом он узнал на военном совете 46-й армии в Сухуми. Оттуда он торопился в свой штаб, чтобы выдвинуть части дивизии в горы и не пропустить «эдельвейсов» к морю.

Штаб 20-й горнострелковой дивизии в это время находился в 9-й школе города Сочи. Командиры частей и подразделений дивизии ждали комдива в штабе, знали, что предстоят серьезные испытания, но какие?

Слушали комдива с напряженным вниманием. С его первых слов все почувствовали значимость предстоящих событий.

«В районе города Черкесска сосредоточился 49-й горнострелковый корпус фашистского генерала пехоты Рудольфа Конрада. В составе корпуса — первая альпийская дивизия генерала Губерта Ланца, она носит наименование «Эдельвейс», 4-я горнострелковая дивизия генерала Эгельзеера, 97-я и 101-я горноегерские дивизии. Они еще до войны прошли специальную подготовку в Альпах, а к осени 42-го года прошли хорошую школу в горах Норвегии, Югославии, Греции. Теперь они пришли к нам с полной уверенностью овладеть перевалами Главного Кавказского хребта и выйти к морю, чтобы окружить Черноморскую группу наших войск и завершить операцию «Эдельвейс» по захвату Кавказа. Нам известно, что Ланц не раз покорял альпийские, гималайские и кавказские «многотысячники». Со своими горными стрелками он успешно прошел по перевалам Европы. Мало в чем ему уступает и генерал Эгельзеер.

Дивизии Ланца и Эгельзеера, разделенные на особые отряды, уже двинулись к хребту по нескольким маршрутам. Наши части, измотанные в боях, не смогли сдержать натиска противника, и ему удалось захватить некоторые из перевалов. Сложилась напряженная обстановка. Враг коварен и силен. Его альпийские стрелки оснащены всем необходимым для форсирования самых сложных участков гор, они хорошо вооружены и обучены, имеют опыт ведения войны в горах. Но и у нас немалые преимущества. Наша дивизия многонациональна. Кроме русских и украинцев, в дивизии немало грузин, армян, азербайджанцев, осетин и других уроженцев горных селений, хорошо знающих горы Кавказа и отлично спаянных. Они героически будут защищать свои аулы, деревни, города, своих родных от вражеского нашествия. Главная задача нашей дивизии — остановить продвижение противника, обескровить его в оборонительных боях и затем разгромить.

Приказываю: майору Ерохину выдвинуть подразделения 174-го полка в район Умпырского перевала и там закрепиться, 265-му полку майора Горбацевича перекрыть тропы, ведущие к перевалу Аишхо, 379-му полку майора Лангового обеспечить оборону Белореченского перевала. От нашего правого фланга — Умпырского направления — до левого фланга — Белореченского перевала — около двухсот километров. Движение колонн начать сегодня же ночью. Особое внимание уделить разведке.

Командирам 61-го арtpолка, 279-го отдельного зенитного арtdивизиона, 174-го батальона связи, 161-го отдельного саперного батальона и 281-й истребительно-противотанковой батареи получить приказы у начальника штаба дивизии.

121-му отдельному медико-санитарному батальону быть готовым к приему раненых. Штабу дивизии сегодня же вместе с 31-м кавэскадром отбыть в Красную Поляну, туда же выезжаю и я».

Горнострелковые полки 67-й, 174-й, 265-й и 379-й в это время находились в Головинке, Сочи, Лазаревском, Пиленково и обеспечивали оборону Черноморского побережья. Получив приказ комдива, командиры полков немедленно выехали в свои части и приступили к выполнению полученного приказа.

На огневой точке

Всю ночь шли солдаты по краснополянскому шоссе. На рассвете они уже были в поселке. Жители поселка радушно встретили воинов, разместили их по домам, накормили. После короткого отдыха рота, которой командовал лейтенант Куц Степан Захарович, двинулась в горы. На следующий день бойцы вышли к исходному рубежу. Провели разведку, окопались. Подъехал комдив, осмотрел позицию, дал указания.

«Твоя главная задача, Степан, сбить спесь с «эдельвейсов», отбить их первую атаку, тогда бойцы твои почувствуют уверенность в своих силах и последующие атаки тоже отобьют», — сказал Турчинский и ускакал на коне к соседней позиции.

Куц понимал, что ему предстоит держать экзамен на воинскую зрелость и что чем лучше он объяснит задачу своим бойцам, тем легче будет им ее решить. Сейчас, перед наступлением опытного врага, ему казалось, что он помнит только одно: рота имеет задачу удержать перевал.

Куц стал осматривать позицию, спускался в окопы, беседовал с бойцами. На позиции пулеметчика Азизова задержался. Тот был молод и неопытен, это волновало офицера. Куц наметил сектор обстрела, ободрил Азизова.

На рассвете дозорные доложили, что фашистские егеря идут вверх по склону горы. Их подпустили близко.

— Смотри, Азизов, как надо бить фашистов, — сказал Куц и открыл огонь из пулемета. Длинная пулеметная очередь была командой для открытия огня всеми бойцами роты. Для фашистских егерей это было неожиданностью. Они понесли потери, убрали трупы, отошли. Во второй половине дня уже большими силами они начали наступать, открыв по позиции роты огонь из минометов. В ту же минуту заговорили и наши минометы лейтенанта Истомина. Они подавили огонь врага и перенесли удар вглубь вражеских позиций.

Тем временем командир роты поднял бойцов в атаку и отбросил гитлеровцев. Этот бой имел большое значение. Он поднял дух наших бойцов.

Наступило затишье. И вдруг — выстрел!

— Убит пулеметчик Азизов, — доложили командиру роты.

Офицер поднялся из окопа.

— Сержанту Зарембе сменить пулеметчика! — скомандовал он. В это время раздался второй выстрел. Разрывная пуля угодила в челюсть лейтенанта Куца. Лицо его залила кровь, он упал, потерял сознание. На позиции появился командир 174-го горнострелкового полка майор И.Е. Ерохин. Назначив командира роты, он приказал доставить лейтенанта Куца в медпункт. Очнулся Куц через сутки в медпункте села Эсто-Садок. Несли его солдаты на руках, по резкопересеченной местности, что тоже

было непросто. В сочинском госпитале первые операции сделал хирург Николай Иванович Агапов. Когда над городом-госпиталем Сочи нависла угроза, госпитали стали эвакуировать. Куц был перевезен в Тбилиси, затем в Москву, где он лечился в Центральном институте травматологии и ортопедии.

Лейтенант Куц провоял всего неделю, но позиция его роты оказалась для врага неприступной. После войны Степан Захарович приезжал в Красную Поляну, выступал перед школьниками и жителями поселка с воспоминаниями. Та фронтовая неделя запомнилась ему на всю жизнь.

Командир полка Ерохин сообщил бойцам, что немецкие снайперы, взобравшись на высокие пихты, ведут точный огонь, из-за чего мы имеем потери. Обнаружить снайперов невозможно из-за густой кроны пихт. Ерохин приказал прострелять из пулеметов все кроны пихт, стоящих перед позицией роты. Когда два фашистских труп свалились с пихт, пулеметчик Нургильдыев с радостью воскликнул: «Наш камандыр очен маладэц!»

Враг усилил действия авиации, стал бомбить перевалы, Адлер, Сочи, Туапсе. В Сочи бомбежке были подвергнуты морпорт, железнодорожный вокзал, Дендрарий. Досталось и Красной Поляне. Вторая половина августа была особенно напряженной. Немцы захватили Марухский, Санчарский и Клухорский перевалы. Они активизировали атаки и на Умпырском направлении. Немецкий генерал Эгельзеер был информирован, что в Сочи нет крупных военных соединений, которые могли бы оказать сопротивление его егерям. Главная его задача была прорваться через горы к морю. И тогда он доложил бы своему командованию, что его егеря вышли в тыл Туапсинско-Новороссийской группе наших войск и на Адлерском, Сочинском и других аэродромах побережья может базироваться их авиация и что готов плацдарм для высадки морского десанта.

24 августа генерал армии И.В. Тюленев срочно вызвал в Сухуми командиров и комиссаров соединений 46-й армии. Он потребовал создать прочную оборону на перевалах, подготовить к взрыву мосты и скалы, тоннель на скальном участке краснополянского шоссе. Здесь день и ночь дежурили наши саперы, подготовившие тоннель к взрыву на случай выхода противника к Красной Поляне. Круглосуточно охраняли и мост через Мзымту в районе Молдовки.

Командование Закавказского фронта принимало все меры для усиления обороны. На Умпырское направление выехали командующий 46-й армией генерал К.Н. Леселидзе и члены военного совета генерал В.М. Бакрадзе и полковник Г.Г. Санакоев. Комдив 20-й дивизии

Турчинский пожаловался командиру Леселидзе на нехватку транспорта для доставки боеприпасов и продовольствия на перевалы.

«Кони по крутым, узким тропам с тяжелыми вьюками проходить не смогут. Немцы используют мулов и ишаков, — сказал он, — да и продукты по калорийности не соответствуют нормам питания для бойцов, находящихся в горах, — добавил комдив.

Леселидзе приказал усилить паек воинам и срочно доставить 20-й дивизии всех ишаков из Абхазии и других мест. Вскоре в дивизии появились «ишачьи роты». Навьюченных осликов накрывали плащ-палатками защитного цвета. Специальными уздечками соединяли одного с другим и выстраивали таким образом в колонну по 30-40 ишаков. Впереди шел направляющий солдат — вьюковожатый, позади — замыкающий. Вот и вся рота. Как-то в ишачьем отряде появился белый ослик — подарок партизанов. Комиссар 20-й ГСД полковник Л.Ф. Голандзия рассказывал, что этот осел оказался необыкновенно умным. Умный осел был не новичок, в партизанском отряде он пережил немало бомбежек и понял, что обстрел перенести легче лежа. Услышав гул самолета (для него было неважно, чей это самолет), он ложился, и поднять его было непросто.

Трудно было осликам на крутых подъемах. Они буквально валились с ног. Когда их обстреливали «фокке-вульфь», они словно по команде повторяли то, что делал белый осел. А тот ложился. Когда ослики лежали, укрытые палатками, самолеты врага с большой высоты не могли их обнаружить, спуститься же ниже мешали горы.

Огромную помощь оказали ослики нашим воинам. Пора бы им тоже соорудить памятник, как это сделано коню, собаке и другим животным.

Несмотря на потери, враг пытался до наступления зимы выйти к морю. Имея численное превосходство, он яростно атаковал позиции 2-й и 5-й рот 174-го горнострелкового полка. У немецких егерей хорошо была поставлена система наблюдения, работавшая днем и ночью с применением оптических приборов. Это позволяло им замечать любое наше движение и вести огонь снайперов, пулеметчиков и минометчиков. 31 августа, после сильного обстрела наших позиций из минометов, егеря врага прорвались к Умпырскому перевалу и овладели им. Мы понесли потери, враг тоже. Подтянув резервы, егеря стали наступать в направлении перевала Аишхо, а по долине реки Уруштен — в направлении перевала Псеашхо. Но овладеть этими перевалами им так и не удалось.

В книге «Крах операции «Эдельвейс» бывший командующий Закавказским фронтом генерал армии И.В. Тюленев писал: «На Умпырском, Белореченском и других перевалах немецкие горные егеря

Турчинский пожаловался командиру Леселидзе на нехватку транспорта для доставки боеприпасов и продовольствия на перевалы.

«Кони по крутым, узким тропам с тяжелыми вьюками проходить не смогут. Немцы используют мулов и ишаков, — сказал он, — да и продукты по калорийности не соответствуют нормам питания для бойцов, находящихся в горах, — добавил комдив.

Леселидзе приказал усилить паек воинам и срочно доставить 20-й дивизии всех ишаков из Абхазии и других мест. Вскоре в дивизии появились «ишачьи роты». Навьюченных осликов накрывали плащ-палатками защитного цвета. Специальными уздечками соединяли одного с другим и выстраивали таким образом в колонну по 30-40 ишаков. Впереди шел направляющий солдат — вьюковожатый, позади — замыкающий. Вот и вся рота. Как-то в ишачьем отряде появился белый ослик — подарок партизанов. Комиссар 20-й ГСД полковник Л.Ф. Голандзия рассказывал, что этот осел оказался необыкновенно умным. Умный осел был не новичок, в партизанском отряде он пережил немало бомбежек и понял, что обстрел перенести легче лежа. Услышав гул самолета (для него было неважно, чей это самолет), он ложился, и поднять его было непросто.

Трудно было осликам на крутых подъемах. Они буквально валились с ног. Когда их обстреливали «фокке-вульфы», они словно по команде повторяли то, что делал белый осел. А тот ложился. Когда ослики лежали, укрытые палатками, самолеты врага с большой высоты не могли их обнаружить, спуститься же ниже мешали горы.

Огромную помощь оказали ослики нашим воинам. Пора бы им тоже соорудить памятник, как это сделано коню, собаке и другим животным.

Несмотря на потери, враг пытался до наступления зимы выйти к морю. Имея численное превосходство, он яростно атаковал позиции 2-й и 5-й рот 174-го горнострелкового полка. У немецких егерей хорошо была поставлена система наблюдения, работавшая днем и ночью с применением оптических приборов. Это позволяло им замечать любое наше движение и вести огонь снайперов, пулеметчиков и минометчиков. 31 августа, после сильного обстрела наших позиций из минометов, егеря врага прорвались к Умпырскому перевалу и овладели им. Мы понесли потери, враг тоже. Подтянув резервы, егеря стали наступать в направлении перевала Аишхо, а по долине реки Уруштен — в направлении перевала Псеашхо. Но овладеть этими перевалами им так и не удалось.

В книге «Крах операции «Эдельвейс» бывший командующий Закавказским фронтом генерал армии И.В. Тюленев писал: «На Умпырском, Белореченском и других перевалах немецкие горные егеря

проявляли большую активность, стремясь перерезать магистраль, связывающую Закавказский фронт с Черноморской группой войск. Но и в этом районе все попытки врага выполнить поставленную задачу окончились провалом.

В октябре нам удалось создать устойчивую оборону на всех перевалах. Боевые действия в горах Кавказа внесли много поучительного и ценного в наш фронтовой опыт.

Прежде всего, хочется сказать о тактических приемах, применявшихся гитлеровцами на перевалах Главного Кавказского хребта. Наиболее характерными из них, на мой взгляд, были: продвижение вперед небольшими отрядами, действовавшими самостоятельно; активная разведка на широком фронте в поисках проходов и обходных путей на фланги; наступление стремительное и, как правило, сопровождавшееся охватом флангов и заходом в тыл нашим боевым порядкам; многоярусная, «подковообразная» оборона.

Огневые точки гитлеровцев располагались на склонах высот, обращенных в нашу сторону, особенно на фланги. На перевальных точках хребтов и на тропах устанавливались станковые и ручные пулеметы, причем станковые — обыкновенно за вершинами высот или на самих вершинах, ручные — по склонам.

Снайперы строили свои огневые позиции на внешних склонах, ниже ручных пулеметчиков, а автоматчики — непосредственно у подножья высот, там же располагались дежурные стрелки. Огонь открывали по отдельным бойцам только снайперы, редко автоматчики, по мелким группам — дежурные пулеметы, на наступающие подразделения обрушивалась вся масса огня».

На Умпырском направлении действовала 4-я альпийская дивизия генерал-майора Эгельзеера, сменившего генерала фон Геккера. Дивизия была сформирована из баварцев, вюртембержцев и тирольцев. Она воевала во Франции, Югославии и была гордостью гитлеровской армии. Для солдат 4-й дивизии альпинизм, скалолазание были любимым занятием, а отвесные склоны и бездонные пропасти — родной стихией.

Вот что писал о солдатах этой дивизии участник обороны Кавказа военный журналист Виталий Александрович Закруткин в своих заметках:

«Солдаты этой дивизии отличались выносливостью, умением действовать мелкими группами и в одиночку, были снайперами и следопытами. Все они мечтали о победных боях в горах Кавказа и нетерпеливо ждали выхода к подножию хребта.

Весь личный состав дивизии имел специальное обмундирование и снаряжение. Тут было предусмотрено все до мелочей: суконные штаны

и куртки, фланелевое белье, шерстяные носки, свитеры, черные очки, спальные мешки, палатки, термосы, лыжи, высокогорные ботинки с шипами, альпенштоки, ледорубы, крючья и молотки. Словом, «эдельвейсы» готовы были во всеоружии встретить приказ о переходе через хребет и не считали это задачей более трудной, чем операция под Нарвиком или в горах Черногоории».

Что касается приказа о переходе через хребет, то «эдельвейсы» его получали неоднократно, однако выполнить его мешали не горы Кавказа, а воины регулярных частей Советской Армии.

Зима в горах начинается рано. В том грозном 1942 году в горах Кавказа снежный покров достиг пяти метров. Но зимние «квартиры» «эдельвейсы» стали готовить заранее. О том, как они готовились к зиме, читаем у В.А. Закруткина в «Кавказских записках»:

«Фашистские егеря тащили в горы железные печки, примусы, керосинки, отбирали у жителей горных селений и уносили валенки, рукавицы. Под наблюдением инженеров вражеские солдаты строили на перевалах доты, блиндажи и утепленные землянки. (Тащили в горы даже щепки и сухие дрова. — Б.Ц.)

Корпусные тылы генерал Конрад расположил в Учкулане, Верхней и Нижней Теберде, Микоян-Шахаре и Зеленчукской. Оттуда по всем горным дорогам расплозились длиннейшие караваны тяжело навьюченных ишаков, мулов и лошадей, шли толпы насильно согнанных мирных жителей, которых фашистское командование заставляло подносить на себе мины, патроны и гранаты; эти «человеческие транспорты» двигались под конвоем егерей и жандармов».

С наступлением зимы и обильных снегопадов активные боевые действия в горах прекратились. «Эдельвейсам» зима в горах Кавказа очень не понравилась. Несмотря на теоретическую подготовку и опыт ведения боев в горах, «эдельвейсы» тоже попадали под снежные лавины, проваливались в трещины, теряли ориентировку, замерзали на снегу, попадали в плен.

Но Умпырский перевал оставался за немецкими егерями. Они ушли оттуда сами в январе 1943 года, когда Северная группа войск Закавказского фронта, перейдя в решительное наступление, освободила Моздок и Минеральные Воды, а успехи на Сталинградском направлении создали реальную угрозу окружения германских войск на Кавказе. В зимних условиях, во избежание потерь, наши войска наступательные бои не вели. Тем более что главное командование приказало не выталкивать противника с Кавказа, намереваясь устроить им еще один Сталинград.

С наступлением зимы командование Закавказского фронта позаботилось о том, чтобы улучшить экипировку наших войск, действовавших в горах. Воины получили штормовые костюмы, спальные мешки, меховые жилеты и носки, шерстяные и кожаные перчатки, валенки, лыжи, снегоступы, ледорубы, горнолыжные веревки и палатки, спиртовые кухни. Но доставлять в заснеженные горы боеприпасы и продовольствие горновьючными отрядами ишаков стало невозможно.

В.А. Закруткин писал:

«Решено было разведать воздушные трассы над хребтом, поставить на эти трассы самолеты гражданской авиации и приступить к снабжению с воздуха.»

«Это было очень опасно и трудно. Во-первых, гитлеровцы систематически обстреливали тихоходные самолеты из пулеметов и винтовок; во-вторых, требовалось хорошо знать условия полета над горами и научиться лавировать, чтобы сбрасывать спасительные грузы в нужных местах...»

«Это чертовская работа, — рассказывал журналисту Закруткину летчик Иванов, — такая работа, что век не забудешь. Лететь на большой высоте нельзя, потому что ничего не видно, а держаться низко — того и гляди, врежешься в какую-нибудь скалу или фрицы тебя продырявят. Вот и вертишься между горами, чтобы высмотреть удобное местечко и опустить груз в целостии...»

Летчики сбрасывали ящики с патронами, минами и гранатами, мешки с сухарями, консервы, сгущенное молоко, хлеб, мясо, соль, спички, тюки с фуфайками, теплыми штанами и шапками, спальные мешки, топоры. Бывало и так, что драгоценный груз на глазах у голодных бойцов летел в пропасть или какой-нибудь тюк разрывался в воздухе и ветер уносил далеко в сторону сорочки, гимнастерки, теплые портянки.

Не жалея сил, работали летчики в эти дни. С рассвета поднимались они в воздух и совершали по пять-шесть вылетов в сутки. Летчик Иванов за 30 дней сделал 75 вылетов, Алдатов — 73 вылета и Давтян — 64. Точно вестники жизни, появлялись они над горами, и каждый их вылет спасал от голодной смерти десятки людей...

«Парашютов у нас всегда не хватало, — рассказывал Алдатов, — так мы старались сбрасывать груз в самые высокие сугробы снега, чтобы не разбить ящики. Потом уже до того наловчились, что бросали ребятам литровые бутылки с водкой или спиртом, и, представьте себе, эти самые бутылки долетали целехонькими.»

Зима была в разгаре. Было ясно, что альпийские части врага уже не будут пытаться пройти через перевалы к морю. Они выдохлись, пытаясь

это сделать летом.

20-я горнострелковая дивизия готовила свои позиции к сдаче 23-му погранполку в районе Белореченского перевала и 33-му мотострелковому полку внутренних войск НКВД на Умпырском направлении.

Свою задачу по обороне перевалов на подступах к Черноморскому побережью 20-я дивизия выполнила с честью. Отмечая массовый героизм воинов 20-й ГСД при защите перевалов Главного Кавказского хребта, Президиум Верховного Совета СССР 13 декабря наградил 174-й горнострелковый полк орденом Красного Знамени. Различными орденами и медалями в дивизии было награждено 1060 бойцов и командиров.

За время обороны перевалов с августа по ноябрь 1942 года она уничтожила более 4000 солдат и офицеров противника, понесла при этом потери до 450 человек убитыми и ранеными.

Многих краеведов, историков, экскурсоводов интересует вопрос, в каком составе 20-я дивизия прибыла на фронт защищать перевалы Кавказа на такой огромной территории — от Умпырского до Белореченского перевала. Приказом военного совета 46-й армии № 00730/ОП дивизия прибыла на фронт в составе:

управления дивизии

67, 174, 265, 379-го горнострелковых полков;

61-го артиллерийского полка,

161-го отдельного саперного батальона,

174-го отдельного батальона связи,

279-го отдельного зенитно-артиллерийского дивизиона,

281-й истребительно-противотанковой батареи,

31-го отдельного кавалерийского эскадрона,

121-го отдельного медико-санитарного батальона,

409-й отдельной автороты подвоза,

119-й полевой хлебопекарни,

гурта скота,

дивизионного парамы (передвижной авторемонтной мастерской),

полевой почтовой станции,

дивизионного ветеринарного лазарета,

221-й полевой кассы Госбанка.

В декабре 1942 года дивизия, сдав оборону перевалов 23-му и 33-му полкам, передислоцировалась в район станицы Крепостной Краснодарского края. С 16 января 1943 года дивизия находилась в непрерывных наступательных боях по освобождению Кубани от фашистских захватчиков. Она освободила Смоленскую, Холмскую, Ильскую, Мер-

чанскую станицы, хутора Хабель, Мова, Веселый, Ястребовский и др. Совместно с частями 56-й армии прорывала сильно укрепленный рубеж противника в районе Крымска.

За время наступательных боевых действий по освобождению Кубани дивизия уничтожила около 8500 и взяла в плен 175 солдат и офицеров противника, уничтожила 250 автомашин, 50 станковых пулеметов, 52 орудия, 18 минометов, 6 зенитных пулеметов, разрушила 156 дзотов, разбила 300 домов, пристроенных под огневые точки.

В боях с врагом героически погибли командир 265-го ГСП майор Горбачевич, начальник штаба 265-го ГСП капитан Бабич, начальник штаба 174-го ГСП капитан Зайка, зам. командира 67-го ГСП подполковник Ревель, зам. командира 61-го АП по политчасти майор Лозовой, командир 31-го ОКЭ капитан Матвеев.

По данным Архива МО СССР, за время боевых действий на перевалах Главного Кавказского хребта и 10 месяцев по освобождению Кубани дивизия понесла потери: убитыми — 2168, ранеными — 4306, пропавшими без вести — 775 бойцов и офицеров.

После освобождения Кубани 20-я дивизия освобождала Белоруссию и Польшу, вела бои в Восточной Пруссии, участвовала в штурме Берлина и в освобождении Праги. Об этом можно прочитать в книге В.Н. Давидича «Жизни своей не щадя» (Изд. МО, Москва, 1981).

О некоторых боевых эпизодах, происшедших на Умпырском направлении, рассказано в последующих главах.

Они стояли насмерть

*Огнем сердец сжигая тьму,
Вы не сдались,
И потому сквозь ливень слез,
Сквозь горький дым
Живыми видите живым.
Да, не вернулись вы с войны,
Но братья ваши и сыны
Хранят под этой синевой
Ваш светлый жар,
Ваш дух живой.*

Петрусь Бровка.

Весь Закавказский фронт облетела весть о подвиге трех минометчиков 174-го горнострелкового полка 20-й дивизии, которые взорвали себя последней миной, но не сдались врагу. В том грозном для нашей

Родины 1942 году армейская и фронтовая газеты «Герой Родины» и «Боец РККА» впервые рассказали читателям об этом. Затем о подвиге написал в «Кавказских записках» Виталий Закруткин. Осветили этот подвиг Владимир Гнеушев и Андрей Попутько в книге «Тайна Марухского ледника», а также Виктор Давидич в книге «Жизни своей не щадя».

Предоставим слово Гнеушеву и Попутько.

«Шел ожесточенный бой. Страшный гул стоял в горах от неистового грохота железа и камня. Черный пороховой дым соединялся с облаками, которые, будто огромные свин-

Виктор Шкутков

цовые шапки, висели над головами.

Отборные немецкие егеря, под прикрытием мощного минометного огня, с трех сторон атаковали батальон. Одна атака чередовалась другой. В одной из атак минометный расчет, прикрывавший важную тропу и не успевший получить приказ об отступлении, был отрезан противником от батальона.

Под уступом скалы в тылу врага остались три наших минометчика: командир расчета сержант Виктор Шкутков (в книге ошибочно указан

Шарип Васиков

Шутков. — Б.Ц.), наводчик ефрейтор Шарип Васиков и подносчик мин рядовой Василий Семяков. Несмотря на железное кольцо превосходящих сил противника и безысходность их положения, они решили стоять насмерть, но не сдаваться врагу.

Немцы хотели взять храбрецов живыми. Но на каждую такую попытку расчет отвечал метким огнем. А озверевшие гитлеровцы, карабкаясь по скалам, все лезли. Кольцо окружения сжималось. Фашисты уже были в 20-25 метрах от расчета. Вести огонь из миномета было уже невозможно. Тогда бесстрашные герои

Василий Семяков

бросили миномет и начали пользоваться минами как гранатами, отвинчивали колпаки и, укрываясь за камнями, бросали мины вручную. Озверевшие немцы снова и снова шли в атаку. Минометчики отчетливо слышали предложения егерей: «Рус, сдавай!»

В ответ одна за другой летели мины. И вот мины кончились. Осталась только одна. Боевые товарищи, пережившие за несколько часов сотни смертей, переглянулись и без слов поняли друг друга. Пришел час их смерти, но они хотели умереть... с гордо поднятой головой, с презрением к врагу.

Как родные братья, обнялись бойцы, прощаясь навеки... А немцы были в нескольких шагах. Казалось, что советские воины, оказавшие отчаянное сопротивление, были уже в их руках. Но тут Шарип Васиков, к которому крепко прижались Шкутков и Семяков, подорвал последнюю мину. Раздался оглушительный взрыв...»

У Виталия Закруткина есть такие строчки: «Когда Нургильдыев, пулеметчик из 174 гсп, взобрался на уступ, он увидел несколько десятков трупов, покрывшийся желтоватой ржавчиной ствол миномета и неподалеку от него разнесенные в клочья тела трех минометчиков...»

Гнеушев и Попутько разыскали родственников павших смертью храбрых и подробно рассказали читателям о детстве и юности героев минометчиков в своей книге «Тайна Марухского ледника».

На безымянной высоте

*Гордиться славою своих предков
не только можно, но и должно, не ува-
жать оной есть постыдное малодушие.*

А.С. Пушкин

За несколько дней до начала Великой Отечественной войны Гиви окончил школу и, как отличник, был принят без экзаменов в университет. Но учиться ему почти не пришлось: примерно через две недели Гиви был призван в армию и зачислен курсантом Тбилисского пехотного училища.

Мать — Анна Давидовна — каждый день приходила к сыну. Часовые узнавали её, а если на посту стоял новенький, она просила:

— Сыночек, позови, пожалуйста, моего мальчика Гиви Анджапаридзе.

Тот день встревожил мать. Ворота училища были открыты, шлагбаум поднят, часового у входа не оказалось. Кругом — тишина. Анна Давидовна вошла во двор. Увидев сторожа, подметавшего дорожку, пошла быстрее, прижимая к груди корзиночку с еще теплыми чуречками.

— Где наши дети? — с тревогой спросила она.

— Откуда мне знать... Ночью поднялись по тревоге и всем училищем

ушли. Слышал, будто возле Сухуми и Сочи фашисты захватили перевалы и рвутся к морю. Может, ребят туда послали... — сочувствуя женщине, объяснил сторож.

«Самуил, родной, вот и осталась я одна. Наш мальчик ушёл на фронт. Я узнала, что курсанты уже воюют в горах, кажется, там, где и вы. Найди, где они, и обязательно повидай сына, ведь ты его давно не видел», — писала Анна Давидовна мужу.

Письмо застало старшего лейтенанта Анджапаридзе в Красной Поляне, он служил здесь при штабе 20-й горнострелковой дивизии. Ему удалось узнать, что курсанты Тбилисского пехотного училища направлены в район озера Рица на защиту перевалов, ведущих к селению Псху.

Комдив полковник Турчинский и старший лейтенант Анджапаридзе склонились над картой.

— От перевала, где стоит наш полк, до позиции курсантов примерно тридцать километров. Выбери у кавалеристов коня и скачи, — сказал комдив.

В кавалерийском эскадроне Анджапаридзе взял коня арабской породы по кличке Орёл. Он знал, что арабский конь вынослив, способен в дальних пробегах потягаться с лошадьми любой другой породы.

Погладив Орла, он вскочил в седло. Словно дождавшись этого, конь пошел широкой, размашистой рысью, едва касаясь земли точёными ногами. Самуил торопился. На сердце было беспокойно. Он уже слышал ружейно-пулеметную трескотню, когда Орёл вдруг упал, пытался вскочить и опять упал. В глазах коня Самуил словно прочёл: прости, больше не могу...

До боевых порядков роты оставалось около километра, и Анджапаридзе побежал.

Командир роты спокойно выслушал тяжело дышавшего офицера.

— Да, Гиви Анджапаридзе — курсант моей роты. Но как ты увидишь его: он сейчас на самой передовой. А там горячо... Егеря жмут...

— Можно мне пробиться к сыну?

— Одному? Нет, пустое дело. А резерва пока нет. Повремени. Жду вот, должен подойти, — сказал капитан и пожалел, что проговорился, намекнув отцу, что сын ведет неравный бой во вражеском окружении.

— Слышите? Это «говорит» его пулемет. Значит, у сына все в порядке. — Тут Самуил вспомнил: в последнем письме Гиви рассказал, что стал пулеметчиком, и подчеркнул слова из устава: «Станковый пулемет «Максим» в открытом бою недоступен для пехоты противника, пока есть патроны и жив хотя бы один пулемётчик...»

Он вздрогнул, мысль его прервалась, когда пулемёт вдруг замолк. Но вот «Максим» снова заговорил: та-та-та-та. Казалось, это билось

сердце сына... Браво, сынок!

— Бра-аво! — вскричал Самуил, и, взмолившись, тихо произнёс по-грузински, — не умолкай, кровиночка моя, не умолкай!

— Вы можете поговорить с сыном, — вдруг вспомнил капитан, — как ни странно, связь еще действует.

Он провел гостя к телефону. Невозможно долго никто не снимал трубку.

Вдруг в трубке раздался голос:

— Сержант Петров слушает...

— Ваня, как дела? — крикнул капитан.

— Плохо, товарищ капитан. Остались я и Гиви, а егеря лезут...

— Ваня, это говорит Самуил Анджапаридзе, отец Гиви. — Анджапаридзе вырвал трубку из рук капитана и кричал в нее, выдавливая в крик отчаяние, надежду, радость, слезы...

— Какой отец?..

— Ваня, позови Гиви, скажи: отец...

— Гиви не может: он у пулемета, немцы лезут...

Старый солдат похолодел.

— Ванюша, сынок дорогой, смени Гиви у пулемета, я его давно не видел...

Тишина...

И вдруг из мрака, оттуда, где пули, смерть, — голос:

— Отец, папа, здравствуй!

— Здравствуй, сынок...

— Отец, как ты нашел меня?

— Нашел, нашел, Гиви, мальчик мой. Гиви, как твое здоровье?

— Отлично, папа...

— Гиви, подержись, родной, я сейчас, я скоро, я помогу.

— Отец, прощай! Петров замолчал, я — к пулемету. Маме скажи: все хорошо — прощай...

Самуил никак не мог отнять трубку от уха. Он слушал и слушал, как слабенькие толчки, укольчики пробегали по медному шнуру и втыкались в него: та-та-та — ставший родным и близким голос пулемета.

Внезапно стало тихо... Война оборвала разговор отца и сына.

...Подшло подкрепление. Фашистских егерей с ходу атаковали курсанты училища. Среди этих совсем еще юных солдат был и старший лейтенант Самуил Анджапаридзе.

Он нашел сына на высоте, недвижимо лежавшим у пулемета рядом с боевыми друзьями Ваней Петровым и Ашотом Нагобедяном.

...Прошли годы, был отпразднован не один День Победы. И вот од-

нажды я встретился с бывшим комиссаром 20-й горнострелковой дивизии полковником запаса Я. Голандзия, майором запаса С. Анджапаридзе, его супругой Анной Давидовной и летописцем Тбилисского пехотного училища майором запаса И. Кандарели. С их помощью тридцать лет назад в историко-краеведческом музее краснополянской средней школы № 65 была открыта экспозиция, посвященная Анджапаридзе-отцу, дошедшему до Берлина, Анджапаридзе-сыну и его боевым друзьям, павшим на подступах к абхазскому селению Псху.

Разговор отцов и сыновей продолжается в *Курсант Гиви Анджапаридзе* музее, где хранятся священные реликвии тех грозных лет.

Родная кровь

...Казалось, Ида внимательно слушает объяснение учительницы. Взгляд её был сосредоточенным, целеустремленным, но девочка думала о другом. Мысли её были там, на фронте, где шла война, где отец её командовал, дивизией. Ни алгебра, ни физика не шли в голову, все это сейчас казалось ненужным, бессмысленным, и Ида ушла из школы.

На следующий день среди слушателей Тбилисских курсов по подготовке радиотелеграфистов появилась белокурая, шестнадцатилетняя девочка — это была Ида Турчинская. «Ти-ти-ти-та, ти-ти-ти-та», — слышалось в наушниках. Звуки радиотелеграфной азбуки, улавливаемые девушкой, мгновенно превращались в её сознании в цифры и буквы и ровной строчкой ложились на листок бумаги. Прием радиogramм на слух и передачу их на радиотелеграфном ключе Ида выполняла на «отлично».

В том грозном 1942 году Ида ушла на фронт. Матери оставила записку: «Обо мне не беспокойся, еду к отцу». И вот фронт. Ночь. Тучи. Ракеты, пулеметный треск. Враг наседал. Атаки следовали одна за другой. Привезли первых раненых. Ида впервые в жизни увидела кровавые бинты, рваные раны. Она сделала одну перевязку, вторую... Так и не пришлось стать радисткой, обстановка потребовала другого.

На носилках внесли тяжелораненого, он был без сознания. В документах, изъятых из кармана гимнастерки, Ида прочла: «Командир стрелковой роты старший лейтенант Ключник». У девушки сжалось сердце: еще в Тбилиси, когда мать читала письмо от отца, Ида впервые слышала эту

фамилию — Ключник. Генерал писал, что у него в дивизии беспредельно храбрые и преданные своей Родине бойцы. Внесли лампу. В операционной водворилась тишина, лишь иногда она нарушалась приказами хирурга: «Пинцет! Скальпель! Тампон!» Перевязана артерия. Можно зашивать. Но у раненого огромная потеря крови, жизнь на волоске.

— Нужна кровь четвертой группы, но у нас её нет, — с огорчением произнес хирург.

— Берите у меня, — тут же, не раздумывая, предложила Ида.

— Что? — хирургу показалось, что он ослышался, что ему изменил слух, но девушка повторила:

— Берите.

У раненого почти исчез пульс. Каждая упущенная секунда могла стать последней в жизни офицера, и хирург скомандовал: «Хорошо, готовьтесь!»

Двумя шприцами он сделал прямое переливание крови, теперь он волновался за двоих. Внешне хирург был спокоен, но это было лишь умение скрывать свои чувства.

— Как вы себя чувствуете? — спросил он девушку.

— Хорошо, — тихо ответила она, медленно поднялась со стола, сделала шаг и...

Густые кустики бровей хирурга сошлись на переносице, но он снова углубился в работу.

Все обошлось благополучно. Ида поднялась, выжил и старший лейтенант Ключник.

В послевоенном 1947 году Ида приехала к родственникам в Черкесск. Совершенно случайно она увидела человека, который показался ей близким знакомым. Опираясь на костыли, он стоял на одной ноге. Ида подошла ближе... и тут Турчинская и Ключник не удержались. Ида прошла большую войну, но никогда на фронте она не видела слез, а теперь перед ней стоял старший лейтенант Ключник и вытирал влажные глаза, да и можно ли было удержаться?

1980 год. У экспозиции «Подвиг милосердия» — более сотни ветеранов войны. Они внимательно слушают рассказ. Александры Дмитриевны Цхомария «Родная кровь».

И вдруг из середины группы вышла убе-

Ида Адамовна Турчинская

ленная сединой женщина, грудь ее украшали правительственные награды.

— Ида Турчинская — это я, — тихо сказала она.

— А кровь свою Ида Турчинская давала мне, я и есть Илья Ключник, — выступил седовласый мужчина.

Не раз следопытам краснополянской средней школы № 65 приходилось быть свидетелями таких взволнованных встреч ветеранов войны. Их подвиги будут всегда примером верного служения любимой Родине.

Живой мост

В конце ноября 1942 года 33-й мотострелковый полк оперативных войск НКВД, которым командовал подполковник Александр Андреевич Дзерейко, получил приказ выйти к краснополянским перевалам Аишхо и Псеашхо на смену полков 20-й горнострелковой дивизии. Полк стоял в это время в Дагомысе, прибыв на пополнение с Белореченского перевала, где вел боевые действия с врагом совместно с 23-м пограничным полком.

5 декабря два батальона полка вышли к указанным перевалам, на которых стояли 174-й и 265-й полки 20-й горнострелковой дивизии. Прибыв пешком из Дагомыса, взвод под командованием Афледлиани расположился в бывшей даче артиста Леонида Витальевича Собинова, которая находилась на территории турбазы «Горный воздух».

Всю ночь на перевалах бушевала пурга. На рассвете взвод получил приказ срочно доставить боеприпасы к перевалу Ачишхо. Бойцы шли по узкой снежной тропе, след в след. Чем дальше в горы, тем труднее было идти. И снегу в горах было гораздо больше, чем в поселке. Впереди со стороны перевала слышался гул боя. Возможно, немцы узнали о прибытии новой воинской части и решили ее атаковать. Бойцы ускорили шаг, но вдруг послышалась команда: «Стой!». На пути оказалась глубокая промоина, перешагнуть или обойти которую было невозможно. Кругом море снега. Толщина снежного покрова более двух метров. Вокруг — ни деревца: перекинуть через промоину нечего. У каждого по одной мине, автомат, гранаты, вещмешок. Размышлять было некогда.

Оценив обстановку, Афледлиани приказал снять с двух бойцов обмотки, и привязать его за ноги. Благо, он отличался от других высоким ростом, 192 см. Да и силенок было побольше, чем у других. Еще когда был учителем (работал в Западной Грузии), занимался тяжелой атлетикой и запросто поднимал плиту батальонного миномета.

Двое бойцов держали обмотки, привязанные к ногам взводного, чтобы он не провалился в промоину. Вытянув руки, Афледлиани пере-

кинул себя за промоину и, зацепившись руками за ее противоположный край, образовал мост.

«Вперед!», — послышалась команда. Первый пошел по мосту неуверенно. Затем все пошло хорошо. Каждому навстречу подавалась рука товарища. Бойцы подняли своего взводного. Он с трудом выпрямился. — Этот мост я запомню на всю жизнь, — сказал Афледиаки и снова командовал: «Вперед!»

Боеприпасы на передовую были доставлены вовремя.

Узнав от бойцов, что командир взвода пропустил через себя весь отряд, военком 33-го мотострелкового полка подполковник Кочанов подготовил представление для награждения Афледиаки орденом «Красная Звезда», при этом он указал, что «живой мост» — уникальный и, возможно, единственный подобный эпизод в истории Великой Отечественной войны.

Орден «Красная Звезда» Афледиаки вручил командующий 46-й армией генерал Леселидзе.

Слово о партизанах

*Тех, кто дышит мезтью пламенной, —
Грузчик, токарь иль матрос —
Всех в лесной каят-компани
Подружил отряд «Норд-ост».*

Из песни «Новороссийская партизанская»

О партизанском движении, широко развернувшемся на всей временно оккупированной фашистскими захватчиками территории Северного Кавказа, ярко рассказал в своих воспоминаниях Пантелеймон Кондратьевич Пономаренко — бывший начальник Центрального штаба партизанского движения при Ставке ВГК.

Постановлением Государственного комитета обороны от 3 августа 1942 года при военном совете Северо-Кавказского фронта был создан Южный штаб партизанского движения (ЮШПД), который возглавил полковник Х.Д. Мамсуров. С 3-го сентября 1942 года начальником ЮШПД был назначен член военного совета Северо-Кавказского фронта, первый секретарь Краснодарского крайкома партии П.И. Селезнев. В крае было создано 85 партизанских отрядов, общая численность которых в сентябре 1942 года составила 5742 человека, включая и партизан Адыгейской автономной области. Кроме того, на оккупированной территории Краснодарского края насчитывалось более 80 подпольных организаций, в которых участвовало около 800 человек. Они действовали во многих

городах и станицах края.

Партизанским отрядам края приходилось бороться с врагом в степях, в лесистых предгорьях и в горах Кавказского хребта.

За время гитлеровской оккупации партизанские отряды Краснодарского края совершили около 500 боевых, в том числе диверсионных, и более 300 разведывательных операций, уничтожили тысячи солдат и офицеров в тылу врага, 15 паровозов и свыше 300 вагонов, 200 автомашин, взорвали 7 складов, разгромили 3 штаба, пустили под откос 14 железнодорожных составов с войсками и техникой.

Партизаны уходят на задание. Кубань, 1942 г.

О партизанах Кубани Пономаренко писал: «9 августа 1942 г. — в день вступления войск противника в Краснодар — берлинское радио передавало, что отныне майкопское «черное золото» будет служить рейху. В связи с тем, что нефтяное оборудование было эвакуировано, вышки взорваны, а рабочие-нефтяники ушли в партизанские отряды, захватчики привезли свое оборудование, рабочих и приступили к восстановлению промыслов. Но партизаны и подпольщики Апшеронского, Нефтегорского, Абинского и других районов края при содействии населения сорвали попытки захватчиков получить нефть. Как только гитлеровцы восстанавливали несколько скважин, пристально следившие за работами на промыслах партизаны совершали нападения, уничтожали охрану, взрывали вышки, выводили из строя скважины, сжигали или выпускали из баков нефть.

Важную роль сыграли партизаны Краснодарского края в обороне Новороссийска, в том числе в боях на Малой земле...

9-12 февраля 1943 года вместе с войсками на Малую землю в районе Мысхако были высажены партизанские отряды: «За Родину!» (командир А.А. Коновалов), «Гроза» (командир Н.Т. Зайцев), «Норд-ост» (командир С.В. Оголь), «Новый» (командир С.П. Кулешов), «Ястребок» (командир Б.Т. Власенко) под общим руководством П.И. Васева и начальника штаба группы А.Н. Сескутова».

Партизаны Краснодарского края оказали существенную помощь нашим войскам и в обороне перевалов через Главный Кавказский хребет.

Они устраивали лесные завалы на дорогах и тропах, ведущих к перевалам, уничтожали мосты через горные реки, организовывали засады и истребляли двигавшиеся по дорогам, тропам и ущельям обозы и вьючный транспорт противника.

Войскам противника, стремившимся прорваться к морю через перевалы Белореченский, Аишхо, Псеашхо и Санчаро, противостояли партизанские отряды «Спокойненский», «Укорненский», «Отраденский», «Удобненский».

Своей боевой деятельностью партизаны Северного Кавказа внесли весомый вклад в срыв вражеской операции «Эдельвейс».

К 60-летию освобождения Кубани от немецко-фашистских захватчиков администрация Краснодарского края издала брошюру «Партизаны Кубани». В брошюру включены документальные материалы о действиях партизан, фотоиллюстрации, сведения о безвозвратных потерях отрядов, десятки ярких боевых эпизодов и т.п.

«Партизаны... Одно слово, но какое емкое! Стоит лишь произнести его, и тут же встают перед нами мужественные образы легендарных людей» (В. Малинников, зам. Председателя комитета по военным, пограничным вопросам и делам военнослужащих администрации Краснодарского края).

История одного экспоната

Летом 1942 года перевалы Главного Кавказского хребта стали линией фронта. Вскоре канонада загрела и над перевалом Аишхо, что в 30 километрах от Красной Поляны.

Поселок стал прифронтовым. Участились бомбежки, было тревожно.

В местной школе то и дело проходили линейки, собрания учителей и учащихся. Обсуждали, чем и как помочь фронту.

Школьники начали готовить для защитников перевалов посылки с теплыми вещами, сухофруктами, подарками. На этот раз они выбрали из школьной библиотеки и принесли из дому самые интересные книги. На одной из них оказалась подпись: «Дорогому воину. Прочитать и победить. Возвратить после войны. Оля». Фамилия отсутствовала.

Книги увязали аккуратными стопочками и вскоре вместе с боеприпасами по военной тропе отправили вьючным караваном к полыхающему зарницами перевалу.

Старшему лейтенанту Панарину достался томик сочинений Тургенева.

Зима на перевале началась раньше обычного. Крупными хлопьями повалил снег. Наступило затишье.

В землянке Панарина было натоплено. Офицер увлекся чтением. Но тут поступил тревожный сигнал с командного пункта. Срочную телефонограмму записать было не на чем. Под рукой не оказалось ни клочка бумаги, а с того конца провода торопили. Офицера выручил томик Тургенева. Внутренняя сторона твердой обложки оказалась чистой. Он достал карандаш и стал быстро записывать.

«№ 50. 22.1.43. время 3-00...»

В ту тревожную ночь января 1943 года было уже не до чтения.

Долго дорогой ребячий подарок был добрым спутником фронтовика. В минуты затишья Тургенев согревал душу воина, позволял забыть, увлекая интересным повествованием. Офицер считал книгу талисманом и старался не расставаться с ней.

Окончилась война. Прошли годы. Казалось, след книжки пропал и затерялся.

Вспомнить о прошлом заставило письмо краснополянских следопытов. К празднику Победы они готовили в школьном музее новую экспозицию и обратились к бывшим защитникам перевалов Кавказа просматреть свои личные архивы и принять участие в пополнении музея.

— Дорогой ты мой Иван Сергеевич, — воскликнул Панарин, найдя томик великого писателя. — Как я рад встрече, можно ли такое забыть?

За столом собралась вся семья: жена, дети, внуки. Читали вслух, как говорится, от корки до корки.

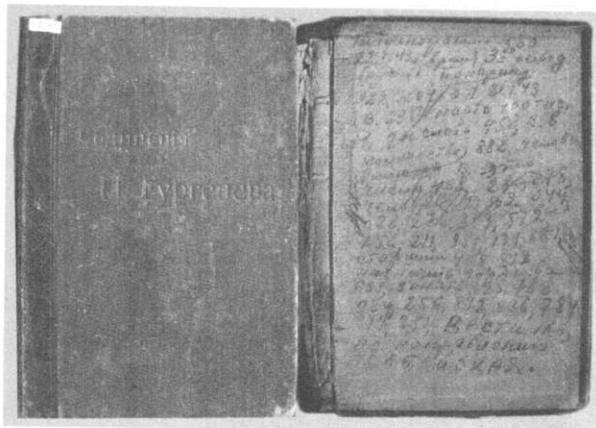
На всю жизнь запомнился внуку Димке рассказ деда о том, как был исполнен приказ № 50. Он становился в углу комнаты, принимал важную позу и командным голосом произносил: «Карта сотысячная, один, выслать 458... старшим 458, 542, назначить Горячева, занять 325, вести 168...»

Во время очередной беседы внук сказал деду:

— Хоть ты и был на войне командиром, но один приказ так и не выполнил.

— Какой? — с интересом спросил ветеран.

— А тот, что написала Оля: «Книгу вернуть после войны».

Тот самый томик Тургенева, экспонат музея «Красная поляна». Фото Евгения Никишина

Тогда старший Панарин сел за письменный стол, взял лист бумаги, написал приказ № 51 и зачитал его вслух: «Семье Панариных в полном составе 5-го мая выехать в Красную Поляну для участия в торжествах, посвященных празднику победы нашего народа в Великой Отечественной войне. Боре и Диме держать под особым контролем томик сочинений Тургенева». «Ура!» — разнеслось по комнате семейное одобрение.

И вот Панарины в Красной Поляне. Томик Тургенева с военной телефонограммой, принятой в героическом 1943-м на рубежах обороны Кавказа, словно их визитная карточка, предъявлялся всем.

Опознала книгу Ольга Ефимовна Карибова, воспитанница краснополянской школы, ныне пенсионерка, ветеран труда. Окончив институт, она стала учительницей истории. Это она, будучи школьницей, оставила на томике Тургенева запись...

Баллада о бритве

История не сохранила имени мастера, чьи умелые руки сработали ее. Но что сделана была бритва больше, чем сто лет назад, — это точно. Из года в год служила она землепашцу.

Когда бритва впервые оказалась на передовой, боевое крещение она выдержала отлично.

— Молодцом, брат! — приговаривал каждый раз хозяин, побрившись и пряча ее в солдатский вещмешок. А хозяин был строгий — русский солдат Яков Бурба, защитник Порт-Артура, сын того землепашца.

Годы бежали...

Вот уже с Семеном Бурбой — внуком того землепашца — из окопа в окоп переходила бритва в гражданскую войну. Бесчисленное множество раз оселок и солдатский ремень старательно наводили ее острие...

А ранним июльским утром 41-го года вышел ветеран революции, участник гражданской войны Семен Яковлевич Бурба проводить на фронт своего сына Якова. Осторожно передал он ему прадедовскую бритву, попросил:

— Береги ее, сынок! Она мне сослужила хорошую службу, сослужит и тебе.

Новый хозяин был доволен, бритва оказалась безупречной. И послужила она добрую службу не только офицеру Я. Бурбе, но и целой роте советских бойцов. Было это так.

Зимой 1942 года 33-й мотострелковый полк занял оборону в районе лагеря Холодного и перевала Аишхо-1. Во второй половине декабря начался обильный снегопад. Снежный покров превысил пять метров. Снаб-

жение бойцов продовольствием и боеприпасами было нарушено. Даже от одной землянки к другой пройти было очень трудно. В это время политрук пулеметной роты старший лейтенант Яков Бурба собрал бойцов для политбеседы. И увидел тогда политрук, что его солдаты, хотя и молоды, а уже бородаты. Никому не сделал офицер замечания. В конце занятий подозвал старшину, достал из планшета отцовский подарок и приказал: «Бриться всей роте!»

Дружно заработала солдатская «цирюльня». Один за другим «молодежи» солдаты пулеметной роты...

С тех пор прошло много лет, а солдатская бритва получила постоянную прописку в Музее боевой славы краснополянской средней школы.

Возвращение

«Помнишь, Павел Трофимович, как мы, мечтая о будущем, говорили: вот отгремят бои, и надо будет обязательно вернуться в эти горы. Вернуться с друзьями, детьми. Пусть увидят суровые вершины, которые были свидетелями жестоких боев.

И вот сбылись мечты.

Несколько лет назад никто и не представил бы, что это возможно: учителя и следопыты краснополянской школы № 65 организовали слет ветеранов, детей и родственников погибших на перевалах. Съехались все, кто смог приехать.

Эх, годы, годы... Вспомни, как легко с тяжелой амуницией на плечах взбирались мы на вершины, спускались в ущелья. Когда большой отряд отправился к местам непосредственных боев, многие остались внизу. С волнением ждали, когда вернутся участники и расскажут: как там сейчас?

Бывший разведчик Василий Иванович Юрченко, тот вообще каждый год с сыном приезжает сюда. Он исходил все тропинки, был проводником...

Можешь себе представить, что чувствовал я, когда увидел заросший бруствер окопа, из которого мы пошли в последнюю контратаку...» *(Из письма ветерана войны Михаила Гукова бывшему военному 33-го мотострелкового полка войск НКВД Павлу Кочанову.)*

Оперативные сводки из далекого 1942-го

1.9 — 42 г.

«46-А, обороняя главный Кавказский хребет и прикрывая побережье Чёрного моря частью сил 3-го СК и 63 КД ведет бой с противником в районах: база Кругохор, город Чипер-Азау, Клухор, Донбай-Ульген, Марухский,

Доту, Агав-Чар, вост. скаты г. Акурца, пер. Умпырский, г. Абадзаш, г. Туба, имея задачей сбросить противника за Кавказский хребет и восстановить существовавшее до 18.8.42 г. положение».

19.10 — 31.10

«Начиная с 19.10 пошёл сильный снегопад, сопровождаемый буранами и метелями. В районах перевалов снег до 3-х метров, обвалы, камнепады, мороз. Такое изменение погоды вызвало прекращение операций на всех направлениях. Начался переход на зимний план обороны. То же делал и противник. Боевые действия сменили работу по строительству землянок, оборонительных сооружений, и лишь активно велись поиски разведчиков и периодические обстрелы из миномётов и редко — ружейного. Проходимость дорог и троп крайне затруднена».

11.11.1942 г.

«В районе Хосты сброшено три бомбы, разрушений и жертв нет. Всего в течение дня отмечено 9 самолетополетов».

28.11.1942 г.

«Командующий армией генерал-лейтенант Леселидзе выехал в Черноморскую группу войск».

Фонд 401, опись 9511, дело 18, 1942 г.

Стр. 9

Оперативная директива № 00896 штаба 46-А, Сухуми, 4.9.1942.

«20-й ГСД продолжать оборонять перевалы Главного Кавказского хребта на участке г. Любцухе, Хокуч, широко применяя заграждения, разрушения, не допускать прорыва противника в направлении Адлера и Сочи, особенно через перевалы Аишхо, Псеашхо, Белореченский и проходы в районе г. Туба».

Стр. 24

«Члены военного совета 46-А:

Командующий 46-й армией генерал-майор Леселидзе, начальник штаба полковник Рассказов, начальник оперативного отдела Жибков, бригадный комиссар Емельянов, член военного совета Бакрадзе».

Стр. 44

«В Сочи по обслуживанию частей 20-й ГСД для обеспечения частей армии и эвакуации раненых создана горно-вьючная рота 83 головы (ишаков).

Командир 20-й ГСД полковник Турчинский, комиссар Голандзия».

Стр. 110, оперативная директива

«Быть готовым для действий в направлении Пиленково, Хосты, Сочи».

Фонд 401, опись 9511, дело 30, 1942 г.

Стр. 122

Военному совету 46-й армии, 28.8.1942 г.

«14. Создать гарнизоны в городах Очамчири, Сухуми, Гудауты, Адлер, Сочи, как резервные силы в помощь частям выдвинутых на перевалы, имея в составе каждого гарнизона подвижные отряды силою не менее усиленной роты в полной готовности к выполнению боевых задач».

«12. Перевалы Псеашхо и Белореченский оборонять силами 20-й ГСД. Пиленковский рубеж занять частями 61-го СД, эшелонировав дивизию в глубину до Гагры».

Фонд 401, опись 9511, дело 4. 1942 г.

Стр. 4

Выписка из директивы № 0086/ОП «1»:

«Не исключена возможность высадки морских и воздушных десантов объединенных германо-итало-румынских сил на побережье Черного моря и Закавказья, наиболее вероятными районами высадки морского десанта являются Сочи, Адлер, устье реки Псоу, мыс Пицунда, Бомборы, Н. Афон.

Оборону Черноморского побережья разделить на 4 боевых участка».

Грудью отстоим родной Кавказ

Выписка из газеты «Герой Родины»
за 14 сентября 1942 года

Письмо бойцов и командиров Н-ского подразделения ко всем бойцам и командирам наших частей и подразделений.

Богат и красив Советский Кавказ. Недра его хранят неисчислимые сокровища: железо, марганец, уголь, медь, свинец, золото, нефть. Чудесная природа кавказских гор явилась всенародной здравницей с её целебными минеральными источниками, курортами, санаториями. Кавказские земли покрыты цветущими садами, чайными плантациями, роскошными виноградниками и рощами цитрусовых культур.

Всё это — наше народное достояние, завоеванное кровью отцов и братьев, созданное трудящимися в упорном труде, закреплённое Великой Сталинской Конституцией.

Кровожадные гитлеровские звери ворвались на территорию нашей Родины. Они предают огню и мечу наши города и села, фабрики и заводы, колхозы и совхозы. Кровью невинных стариков, женщин и детей залили

они родную землю.

Подлый враг подошел к советской жемчужине — Кавказу. Враг бросил сюда не только свою собственную военную машину, но также силы и резервы своих вассальных «союзников», фашистские разбойники стремятся захватить грозненскую и бакинскую нефть, чтобы пополнить свои иссякшие запасы и осуществить дальнейшие разбойничьи планы. Враг спешит, напрягает все свои силы, чтобы до зимы покончить с Кавказом.

Не видать гитлеровским мерзавцам Советского Кавказа никогда! Мы умрем, но не отступим дальше ни на шаг.

В боях с немецкими захватчиками и их румыно-венгерскими прихвостнями многие бойцы и командиры нашего подразделения показали себя смелыми и мужественными защитниками Родины.

Славный сын армянского народа лейтенант тов. Амбарян в бою был дважды ранен, но он продолжал командовать подразделением до окончания боя. Храбро дрались с врагом бойцы: грузин Лавчавадзе, узбек Язи-Ялка. Старший сержант Романов в бою с немецкими захватчиками пал смертью храбрых. Последнее его слово звучало наказом товарищам: «Бейте гадов до последнего дыхания. Ни шагу назад!» Умело и отважно

сражался украинец старший сержант тов. Данько.

Перед воинами, павшими смертью храбрых, наш многонациональный боевой коллектив поклялся отстоять свой рубеж, выбить врага, жестоко отомстить за смерть товарищей. Эта клятва с честью выполняется.

Мы призываем всех бойцов, командиров и политработников отдать все силы на выполнение требования Матери-Родины, приказа товарища Сталина: «Ни шагу назад, остановить, отбросить и разгромить врага!»

Мы можем и должны выполнить эту задачу. Для этого нужно сильнее укрепить железную воинскую дисциплину, лучше овладеть искусством боя, не дожидаться противника, искать и уничтожать его.

Не видать заклятому врагу советского Кавказа! Он был, и есть, и будет советским! Смерть немецким оккупантам! Победа будет за нами!

Командир подразделения л-т В. Ведогреев

Политрук мл. л-т М. Таргаковский.

Младшие командиры ст. сержант Г. Горюнов,

мл. сержант Т. Амёлш,

бойцы Сулейманов, М. Сайфулин, З. Барцыц.

Архив МО СССР

ОП..9556., д. 3.

Эхо отгремевших боев

Высота памяти

— Батя, ты?

Высокий, седой мужчина, только что вышедший из автобуса, обернулся.

— Григорьев?

И они обнялись — бывший комиссар 33-го мотострелкового полка Павел Кочанов и бывший командир минометной роты Петр Григорьев. Обнялись так, как могут обняться люди, которые вместе пережили все тяготы войны в горах и не видели друг друга почти четверть века.

В Красную Поляну пришел праздник.

Сколько было в те дни неожиданных встреч, сколько радости, объятий! И сколько... слез. Да, не каждому удавалось сдержать волнение.

178 ветеранов приехали на встречу. Каждому участнику встречи был обеспечен бесплатный проезд в оба конца. С первых же минут ветераны почувствовали себя в поселке Красная Поляна как дома, где их ждали давно, где им рады от всей души. Часть гостей поселили на турбазе МО СССР, остальных «разобрали» по своим домам школьники. Надо ли говорить, как были тронуты вниманием ветераны!

Первый день слета посвятили знакомству с Красной Поляной. Экскурсоводами были школьники-следопыты. Внимательно слушали ветераны их рассказ об истории родного поселка, о его настоящем и будущем. А наутро походной колонной двинулись к школе. Здесь их ждали, выстроившись в торжественной линейке, 178 школьников — столько же, сколько гостей. У каждого — букет цветов. Словно альпийский луг расцвел вдруг на школьном дворе.

Застыли в строю, будто на поверке, старые воины. Вот стоит Максим Васильевич Главин, ветеран 20-й дивизии. До войны он строил в Сочи санаторий имени Фабрициуса. Затем перевалы, ранение, госпиталь. Когда пришел в себя, опросил:

— Где я?

— В санатории Фабрициуса, — ответила сестра. Удивился: сам для себя, выходит, строил.

...Окончена официальная часть, смешались вместе ветераны и школьники. Попробуй-ка в такой массе людей отыскать того, с кем знаком лишь заочно, по переписке.

— Ребята, кто из вас Витя Мойсов? — спрашивает бывший начальник штаба 33-го мотострелкового полка Андрей Федорович Машин.

— Девочки, найдите, пожалуйста, Боброву Таню, — просит Иосиф Григорьевич Иванеев.

И вот А.Ф. Машин уже обнимает своего следопыта.

— Витя! Да как же ты сумел меня разыскать? — и снимает с руки часы, — держи, на память!

Штаб следопытов сообщает, что решил разбить на территории школы аллею Боевой славы. И вот уже вместе со школьниками ветераны замешивают бетон, таскают носилки с землей, заливают опалубку...

Вечером состоялось торжественное открытие аллеи. Л.Ф. Голандзия разрезал традиционную ленту, а затем выступил А.Ф. Машин.

— Дорогие ребята! — сказал он. — Если вам будет когда-нибудь в жизни трудно, приходите на эту аллею, вспомните нас, вспомните, в каких трудных условиях мы боролись с врагом и победили.

Слёт ветеранов в краснополянской школе

Много было в те дни удивительных встреч. Одна из них произошла в только что открытом музее. Группа участников слета остановилась у стенда «По следам героев». С волнением рассматривали его бывший начальник артиллерийско-технической службы Аркадий Михайлович Шпеер, бывший начальник инженерной службы Петр Митрофанович Супрунов, бывший начальник связи Олег Николаевич Коночинский и другие ветераны. Как изумились они, узнав себя на фотографиях, которых никогда прежде не видели!

А история фотографий такова. Когда сформировался мотострелковый полк, в него после окончания училища прибыли молодые офицеры. Все они сфотографировались — карточки нужны были для оформления личных дел. Каким-то образом оказалось 17 лишних фотографий. Полк начал бои, до этих ли фотографий было! И они всю войну пролежали в сумке работника штаба подполковника Н.К. Каретникова... Он и прислал их следопытам.

Когда ребята разыскивали участников обороны, кто-то узнал, что во время войны защитники перевалов выступили перед жителями Красной Поляны с концертом. Родилась мысль попросить ветеранов повторить тот концерт образца 1942 года.

Поселковый клуб был набит до отказа. Тряхнул стариной в цыганской пляске подполковник Машин. Лихо исполнил кавказскую лезгинку бывший связной Еремян. Полились в зал так хорошо знакомые всем слова: «Бьется в тесной печурке огонь...» Пела Зинаида Капустина, бывший снайпер и санинструктор. В исполнении ветеранов прозвучали и другие песни: «Синий платочек», «Катюша», «В лесу прифронтовом...»

Школьники подготовили ответный концерт. И здесь гостей ждал сюрприз. Следопыты узнали, что дочь одного из ветеранов — Елена Нестерова — поэтесса, и попросили ее прислать к слету стихи. Учитель Николай Матвеевич Соловьев написал музыку. Зазвучала «Песня защитников Красной Поляны». С первых слов, простых и понятных каждому, песня взяла за сердце.

*Шумят сады под мирными ветрами,
Вершины гор спокойно смотрят ввысь.
Товарищи, солдаты, ветераны,
Мы здесь сегодня снова собрались.*

Многоголосый хор подхватил припев:

*Красная Поляна!
Армейская наша весна.
Красная Поляна!*

*Погибших друзей имена.
Мы тебя не забыли
В тревожном теченье годов.
Красная Поляна!
Ты сегодня красна от цветов.*

Песня звучала, наполняя сердца волнением и гордостью:

*Ну, что ж, друзья, пускай виски седеют,
Пускай года берут свои права,
Но Красная Поляна молодеет,
И значит, наша молодость жива.*

Взволновала тогда и «Песня о двух поколениях» тех же авторов.

*Друг мой, мы в трудные дни подрастали:
В старых окопах ржавела война,
Горько весенние травы шептали
Наших погибших отцов имена.
Тихо плывут над страной рассветы,
Солнце встает над вершинами гор,
И обелиски, как будто ракеты,
Смотрят в небесный простор.*

Было в этой песне половодье чувств, захватывавших душу и ветеранов войны, и их молодых наследников.

*Трудный наш век нас повел по дорогам —
Тем, что отцы не успели пройти,
Мамы глядели печально и строго,
Мамы нам счастья желали в пути.
Друг мой, мы воины в мирных сраженьях,
Светлые ветры нам дуют в лицо.
Молодость наша. Она — продолженье
Юности наших бессмертных отцов.*

...Долго не расходились ветераны после концерта. Обсуждали план своего похода по местам былых сражений, вспоминали боевые эпизоды.

На огненной черте

На окраине Красной Поляны под сенью пихт и каштанов расположилась турбаза «Горный воздух». В один из дней слета здесь собрались все ветераны, чтобы вместе со следопытами отправиться в поход к лагерю Холодному, к месту, где был остановлен враг. Наиболее сильная группа, которую возглавил Василий Федорович Крылов (в годы войны он был разведчиком горнострелкового полка), должна была пойти еще дальше.

Ее маршрут, протяженностью 150 километров, выглядел так: Красная Поляна — лагерь Холодный — лагерь Уруштен — кордон Умпырь — река Чистая — перевал Аишхо-1.

Перед тем как двинуться в путь, построились на спортивной площадке. К строю подошел человек на костылях.

— Вася, ты помнишь?.. — обратился бывший политрук горнострелковой роты Евгений Николаевич Малышев к бывшему разведчику Василию Ивановичу Юрченко. И не договорил, волнение сжало горло. Но Юрченко понял, о чем хотел спросить его боевой товарищ.

— Помнишь то место, откуда ты меня вынес?

— Помню.

— Принеси мне горсть той земли, — попросил Малышев.

Закончены последние наставления. Раздалась команда: «По машинам!»

Часть пути преодолели на колесах. Затем дорогу сменила тропа. Почти на 200 метров растянулась походная цепочка. Впереди Таня Боброва, Вика Козликина, Валентин Лапенко и другие следопыты. Рядом с ними идут их наставники — учителя, директор школы А.Д. Цхомария.

Преодолев крутой подъем, вышли к верховьям реки Бзерпъ и взяли курс на перевал Псеашхо. Подошли к водоразделу Главного Кавказского хребта. Спустились по каменистой тропе в живописную долину, перебрались по кладке через реку Холодную и увидели справа ледник Псеашхо. От него сильно тянет холодом, потому и назвали лагерь Холодным. Отсюда туристские тропы ведут на Кубань и в Ставрополье. Хорошо памятливы эти места ветеранам: здесь проходила линия обороны.

— Привал! — раздалась команда.

На альпийской лужайке провели оперативное совещание. Приняли решение осмотреть бывшую линию обороны, вычертить схему боевых действий, определить место для установки обелиска Славы. Решено также осмотреть и бывшие вражеские позиции, отметить на картосхеме места, где находились огневые точки противника. И закипела работа.

Ветеранам войны не терпелось осмотреть места, где проходила их боевая юность, увидеть, что случилось с их окопами, блиндажами, землянками. По мокрой траве, по каменным осыпям шли они вдоль бывшего переднего края обороны. Воскрешая в памяти суровые дни войны, каждый пытался отыскать дорогие ему приметы.

— Вот он, наш дзот! Здесь стоял станковый пулемет.

— Сюда, ребята! Нашлась траншея нашего стрелкового отделения.

В.Ф. Крылов находит место бывшего командного пункта дивизии, землянки офицеров связи. В.И. Юрченко спешит выполнить наказ това-

рища: взять землю с места, где бесстрашно сражался и был тяжело ранен Евгений Малышев.

Бывший командир взвода 265-го горнострелкового полка Иван Петрович Зубков показывает ребятам место, где погибли его однополчане М.М. Пинский, Н.Г. Титов, А.Г. Каробатов, И.П. Малявин. Аккуратной строчкой легли эти имена в блокнот следопыта Валентина Лапенко. Эта строчка начала большое и важное дело по увековечиванию памяти павших, составлению списков погибших, выяснению обстоятельств их гибели.

По узкой горной тропе Зубков подводит ребят к пропасти.

Здесь была огневая точка

чтобы провести его по краю пропасти.

Рассказ Зубкова продолжил бывший начальник ветеринарной службы 20-й горнострелковой дивизии подполковник Алексей Львович Вознесенский.

— Кони показали себя на войне отлично, — говорит он. — Но в горах приходилось транспортировать грузы по узким и крутым тропам. Бывало, конь, зацепившись поклажей о скалу или дерево, срывался в пропасть. Жалко было коней, да и каждый выюк был на вес золота. Вот и решили использовать для перевозки грузов кавказских осликов, более приспособленных к горным тропам. К тому же для десяти-пятнадцати осликов достаточно было одного сопровождающего.

Увидев мальчиков, несущих какие-то предметы, девочки бросились им навстречу.

— Что это у вас?

Мальчишки наперебой рассказывали о своих находках. Найдены два выючных седла, коробка для лент станкового пулемета, дисковый магазин и

— Вот здесь, — говорит он, — с обрыва сорвалась навьюченная лошадь. Тогда рядовой Гаглоев предложил снять с лошадей грузы, перенести их на себе, а затем перевести через опасный участок и коней.

— Не раз, рискуя жизнью, — продолжал Иван Петрович, — Гаглоеву приходилось подпирать плечом коня,

Пистолет и карманная печка, найденные в немецкой землянке

кожух от автомата ППШ, солдатские каски, кусочки колючей проволоки. Саша Бобров и Витя Мойсов нашли в полуразвалившейся землянке истлевшую противогазную коробку, алюминиевую ложку, несколько косточек домино и зажигалку.

— Посмотрите, — обратились ребята к бывшему связному 174-го горнострелкового полка А.М. Миносяну, — зажигалка-то самодельная, из патронной гильзы.

— Верно, ребята, зажигалка самодельная, — сказал Аршак Минасович. — Кто ее сделал — не могу сказать, а вот седла вьючные узнаю. Собрались однажды старики, живущие на нашей улице в Сочи, и решили организовать кузню, чтобы изготавливать для нужд фронта вьючные седла. В кузнях они ковали и подковы для лошадей, делали железные печурки для обогрева землянок. Кузнецы эти славились своим мастерством. Среди них был и мой дед.

— А давайте организуем походный музей, — предложила Вика Козликина. — Первую экспозицию назовем «Эхо войны».

Тамаре Завадской и Тамаре Виноградовой поручили подготовить место для экспозиции. Девочки расчистили площадку. Вместо стенда для экспонатов решили использовать лежащие здесь бревна. И тут ребят вновь ожидала радость открытия. Житель Адлера, ветеран 20-й дивизии Николай Романович Шуба, рассказал, что в 1942 году бойцы заготавливали здесь бревна для строительства блиндажей и землянок. Эти бревна оказались лишними. Кто бы мог подумать, что подгнившие от времени бревна тоже станут экспонатами?

У стендов импровизированного музея большое оживление. Все новые находки приносят следопыты. Уже экспонируется (пока в черновом варианте) схема боевых действий на перевале Псеашхо.

Василий Иванович Юрченко приглашает всех к месту, где находился

Находки следопытов

Следопыты уходят в горы...

наблюдательный пункт командира дивизии. Он показывает штабную землянку, в которой не раз бывал и бывший командующий 46-й армией генерал К.Н. Леселидзе.

...Потрескивая, улетают к звездному небу и гаснут искры. Хорошо у костра. В глухой ночи согревает и радует его доброе пламя. Завтра радостная встреча с отрядом, который повели ветераны войны В.Ф. Крылов В.И. Шкуро и А.М. Страхов через высокогорный лагерь Уруштен и кордон Умпырь к перевалу Аишхо.

Возвратившись оттуда, следопыты Александр Бобров, Эдуард Цхо-мария, Христофор Ксандопуло, Валентин Лапенко с особой гордостью будут рассказывать о том, что побывали во «вражеском тылу», видели едва заметные зарубки на деревьях, которые делали фашисты, маркируя тропу, ведущую от штаба горноальпийского полка на передовую. И, конечно, покажут найденные на бывших вражеских позициях лафет от миномета, портативный примус, подсвечник, губную гармошку.

А завтра домой. Сколько увидено, услышано, найдено! Сколько открыто страниц великой битвы за родной Кавказ!

Над перевалом Псеашхо, над лагерем Холодным тишина... Только звучат голоса ветеранов у костра, вспоминают они незабываемые дни и эпизоды. А потом вновь зазвучала полюбившаяся всем песня:

*Шумят сады под мирными ветрами,
Вершины гор спокойно смотрят ввысь.
Товарищи, солдаты, ветераны,
Мы здесь сегодня снова собрались.*

Подвиг милосердия

Окончился слет, разъехались по домам его участники. А следопыты мысленно все еще жили событиями тех дней, когда встречали ветеранов

войны, совершали с ними походы боевой славы, вместе варили кашу с дымком, пели песни у туристского костра. С неослабевающим интересом пересматривали следопыты полученные ими фотографии и документы, перечитывали письма ветеранов. Эти письма натолкнули ребят на мысль о том, что есть живая, неразрывная связь между теми, кто пролил кровь в бою за Родину, и теми, кто боролся за их жизнь после ранений, — врачами, медицинскими сестрами, санитарками, нянями. А как много раненых находилось в годы войны на излечении в сочинских госпиталях!

И вновь следопыты в поиске. Они делали запросы, работали в архивах военкомата и музея истории города-курорта Сочи. Им помогали взрослые, которые работали в годы войны в госпиталях, участвовали в создании госпитальной базы города Сочи.

Большую помощь в сборе материалов оказали ребятам бывший старший научный сотрудник Музея истории города-курорта ветеран Великой Отечественной войны П.М. Голубев, бывший директор музея Б.А. Шарاپов, бывший сотрудник музея К.И. Фомина. Ребятам удалось собрать десятки уникальных фотографий. Совет музея школы поручил группе художников-старшекласников оформить экспозицию «Подвиг милосердия».

На красочно оформленных стендах — фотографии врачей города-госпиталя. Под ними лаконичные подписи: «Николай Иванович Агапов, профессор, мастер пластических операций, член Международной стоматологической академии в Вашингтоне»; «Иван Дмитриевич Чебриков, в годы Великой Отечественной войны был ведущим хирургом группы сочинских госпиталей. На его счету 8 тысяч сложнейших операций» и т. д.

Интересны фотографии, на которых запечатлен прием первых раненых в сочинском госпитале в августе 1941 года, операция во время воздушно-химической тревоги.

Собранный отрядом следопытов материал надо было донести до всех учащихся. Решили провести устный журнал «Подвиг милосердия». Эпиграфом к нему стали стихи Льва Ошанина:

*Вечный подвиг — он вам по плечу.
Ваши руки бесценны и святы.
Низко вам поклониться хочу,
Люди в белых халатах.*

В начале войны город Сочи располагал лечебной базой на 8 тысяч мест. А на поездах, кораблях, самолетах и автомашинах с фронтов при-

бывали многие тысячи раненых воинов. С высокогорных перевалов их доставляли вниз на лошадях, ишаках, на носилках. Мест в госпиталях сразу же стало не хватать. Жители города несли из своих домов койки, диваны, топчаны, стулья, безвозмездно шили на дому наволочки для подушек и матрацев, рубашки, пижамы, халаты, стирали и гладили, становились донорами. Донором стала каждая вторая жительница города. Для спасения жизни раненых сочинцы сдали 20 тысяч литров крови.

Активно помогали госпиталям школьники. Они приходили в палаты, читали раненым газеты, писали письма. Каждый имел своего подшефного раненого. В фондах Музея истории города-курорта есть данные о том, что в 1943 году школьники города Сочи дали в госпиталях 120 концертов художественной самодеятельности, передали раненым 250 подарков, 1969 предметов столовой посуды, собрали в лесу мох и набили им 900 матрацев.

В сложнейших условиях военного времени труженики города подготовили госпитальную базу на 20 тысяч мест. И в каждом госпитале, как и на фронте, ни днем, ни ночью не прекращалась борьба за жизнь защитников Родины, за то, чтобы они вновь могли видеть, слышать, ходить, держать в руках оружие. Как и на фронте, здесь ежедневно совершались подвиги. Подвиги во имя жизни.

Об одном из таких подвигов было рассказано в устном журнале.

...Однажды в госпиталь поступил тяжело раненный в грудь десантник с Малой земли. На носилках его внесли в рентгеновский кабинет. За аппарат стал хирург Иван Артемович Агеенко. Нужно было точно определить, где находится осколок и как его извлечь. Каково же было изумление врача, когда вместо осколка он обнаружил 50-миллиметровую мину. Пробив плечо, она притаилась у сердца бойца. Мина в груди у человека, да еще у самого сердца — что-то невероятное!

Раненых из палат, расположенных рядом с операционной, пришлось срочно эвакуировать. И операция началась. Хирург и его помощники рисковали собственной жизнью, но думали только о спасении жизни раненого воина. Операция прошла успешно.

...С воодушевлением было встречено в Красной Поляне сообщение о вручении городу Сочи ордена Отечественной войны I степени за большую и самоотверженную работу трудящихся города по лечению и восстановлению здоровья воинов Советской Армии и Военно-Морского Флота в годы Великой Отечественной войны и за успехи, достигнутые в хозяйственном и культурном строительстве.

В апрельские дни 1982 года город-здравница Сочи выглядел особенно празднично и нарядно. Для вручения городу высокой награды

Родины прибыл министр обороны СССР Маршал Советского Союза Д.Ф. Устинов.

Зимний театр города заполнили фронтовики и ветераны труда, передовики производства, молодежь, только начинающая свою трудовую биографию. Особенно много собралось медиков — работников бывших госпиталей и нынешних санаториев, пансионатов, домов отдыха, туристских комплексов.

В поздравлении тружеников города с высокой наградой было сказано, что одна из самых славных страниц истории города написана в годы минувшей войны. У входа во многие сочинские здравницы можно видеть мемориальные доски с надписью: «Здесь в годы Великой Отечественной войны находился военный госпиталь». Военным госпиталем был в то время, по существу, весь город. 5 августа 1941 года он принял первых раненых и начал героическую борьбу за жизнь людей, за возвращение воинов в строй.

Это был тот же фронт. Он проходил через операционные, перевязочные, палаты больных и раненых, где работники госпиталей по-солдатски несли свою бессменную вахту.

Тысячи сложнейших операций на счету сочинских хирургов. Борис Александрович Петров, Николай Иванович Агапов, Иван Артемович Агеенко, Федор Иванович Ашмарин, Евгений Иванович Смирнов, Иван Дмитриевич Чебриков, Мария Николаевна Храмова — их было много — врачей, медицинских сестер, фармацевтов, санитарок — замечательных тружеников в белых халатах, которые делали все возможное и невозможное для исцеления раненых воинов.

В 1995 году в центре Сочи был воздвигнут монумент, посвященный медикам госпитальной базы, спасшим жизни тысяч воинов.

Ежегодно в город-курорт приезжают на отдых и лечение сотни тысяч людей, среди них есть и те, кто лечился здесь в годы войны.

Подвиг во имя жизни продолжается.

Военные будни Красной Поляны

Тревожная весть о войне пришла в Красную Поляну по телефону. Позвонили из Адлера. Радиотрансляционного узла тогда в посёлке не было. Сводки Совинформбюро передавались по телефону. Их аккуратно переписывали и вывешивали для обозрения на балконе сельского Совета. Организованно прошла мобилизация. Более 800 краснополянцев (в том числе жителей Эсто-Садка, Медовеевки, Кепши) ушли на фронт. Проводили мы и наших учителей А.И. Левашова, И.П. Гряду,

П.М. Бобина, С.М. Махно. Те, кто еще не был мобилизован, стали изучать военное дело. Был организован истребительный отряд.

Враг атаковал наши перевалы, рвался к поселку. Над Красной Поляной нависли чёрные тучи. Каждый день ровно в одиннадцать часов появлялся вражеский самолет «Фокке-Вульф», вел разведку, аэрофотосъемку, сбрасывал бомбы, от которых погибло несколько женщин и было разрушено несколько домов.

Школа в то время находилась на левом берегу Бешенки, в 40 метрах от реки. Во время воздушной тревоги все учащиеся укрывались в глубокой долине Бешенки. Однажды, во время очередной атаки, школьники спустились к реке и увидели лежавшую в воде женщину, лишь голова которой была над водой. Так, перепугавшись, укрылась от бомбежки старшая пионервожатая школы Прасковья Дмитриевна Христофорида.

На крыше здания, где сейчас размещается поселковая администрация, был оборудован пост воздушного наблюдения, оповещения и связи. Здесь несли дежурство школьницы Елена Сафьянова, Ольга Карибова, Елена Катакова, Ефимия Ксандинова, Екатерина Катакова...

Не выдержав атак превосходящего силами противника, в начале августа 1942 года в Красную Поляну спустилась с гор измотанная в боях воинская часть под командованием полковника Цепляева. Воинам удалось угнать через перевалы гурт скота, чтобы он не достался фашистам.

Навстречу врагу из Адлера двинулись части 20-й горнострелковой дивизии полковника (позже генерала) Турчинского. Вместе с воинами в горы уходили многие жительницы посёлка, благоустраивали тропы, рыли окопы, строили землянки, блиндажи, стирали воинам белье. А оставшиеся вместе с подростками собирали лекарственные травы, орехи, плоды каштанов, дикой черешни, сушили фрукты, вышивали носовые платки, шили теплое белье...

В сводках Закавказского фронта все чаще стало упоминаться Умпырьское направление. Противнику удалось захватить кордон Умпырь и лагерь Уруштен на территории Кавказского государственного природного биосферного заповедника, он вышел к лагерю Холодному и перевалу Аишхо. До Красной Поляны оставалось 30 километров. Но дальше враг не прошёл. 20-я дивизия сбила спесь с «эдельвейсов» и задержала их до самой зимы, когда начались обильные снегопады.

Много трудностей выпало на долю воинов дивизии. С началом боев в поселок стали поступать раненые. Спускать их с крутых гор было не просто. Для отправки в сочинские госпитали не хватало транспортных средств. На склоне хребта Ачишхо, в бывшем Царском охотничьем дворце, в срочном

порядке был оборудован филиал 121-го медико-санитарного батальона. Сам медсанбат находился в Сочи. Командиром операционно-перевязочного взвода в филиале был военврач Я.М. Литвак. Когда мест для раненых уже не хватало, стали оборудовать санитарные пункты (минигоспитали) в домах местных жителей, где врачи делали и хирургические операции.

Первого сентября учащиеся, как обычно, пришли в школу. Лица у них были озабоченные, посуровевшие. В почтовых ящиках сельчан всё чаще появлялись извещения о гибели близких.

Основой получения школьных знаний была работа в классах. О домашних заданиях не было и речи. Ребята учились старательно, успеваемость была высокой. Участвовали школьники и в сборе лекарственных трав, крапивы, подорожника, шиповника, боярышника. Собирали мох, пустые бутылки, металлолом... На видном месте был вывешен красочно оформленный плакат: «Запомни, что собранный тобой железный лом, любой, вплоть до консервной банки, заводы превратят в снаряды, в пушки, в танки».

Десятки тонн металлолома собрали школьники. Сотни бутылок были отправлены в Сочи, где их заполняли зажигательной смесью и отправляли на фронт для борьбы с танками врага.

Ежедневно в филиал медсанбата с цветами и подарками приходили к раненым школьники. Читали им вслух фронтовые сводки, письма, газеты, убирали в палатах, устраивали самодеятельные концерты. Руководила всем этим молодая учительница Александра Дмитриевна Цхомария, ставшая после войны завучем, а затем 35 лет работавшая директором школы. В те военные годы она проводила и политбеседы в подразделениях 20-й дивизии.

Зима в горах начинается рано. Жительницы Красной Поляны вязали для воинов шерстяные носки, варежки; свитера, шили теплое белье. В школе создали кружок по изготовлению подворотничков. Вместе с посылками шли на передовую ободряющие письма, в которых выражалась надежда на стойкость и мужество воинов, на скорое изгнание врага с нашей земли.

Летом сорок второго на фронт ушли все школьники в возрасте 16-17 лет. Из них семнадцать с полей сражений не вернулись... Сохранились их письма родным. В этих «треугольниках» со штемпелем полевой почты раскрывается духовный облик воспитанников школы, поднявшихся вместе со всеми на священную войну с врагом.

Более шести десятилетий отделяет нас от событий тех лет. Но память о прошлом жива.

Немцы в Красной Поляне

Окончилась Великая Отечественная Война. Утихла гроза над Кавказом. В послевоенном 1946 году в Красную Поляну было доставлено около трёх тысяч немцев. Это были военнопленные солдаты и офицеры, попавшие в плен во время войны, те, что стремились овладеть Кавказом в грозном 1942 году. Из Армавира, где они содержались, их привезли в Новороссийск, затем на теплоходах в Сочи, и из Сочи на машинах в Красную Поляну. По пути они восторженно отзывались о красоте Краснополянского шоссе и живописных горах.

В 1946 году в Красной Поляне началось строительство гидроэлектростанции на реке Мзымте. Пленных решили привлечь к строительству ГЭС.

Для их жилья были построены добротные бараки со всеми удобствами. У них работала своя кухня, пищеблок, сапожная, портняжная мастерские, парикмахерская, санитарная часть и т.п.

Пленные в основном привлекались к выполнению бетонных работ.

Житель Адлера Виктор Иванович Кулик, служивший в лагере дежурным офицером, рассказывал, что для трёхразового питания пленным был установлен добротный паёк. Каждому выделялось 700 г хлеба, 120 г мяса, 40 г рыбы, картофель, крупы, сахар и пр. Питанием пленные были довольны. Им платили и зарплату. Об их быте заботились начальник лагеря майор Конев, дежурные офицеры Матусков, Кулик, начальник отряда Леонтович и др.

Для подачи воды к ГЭС и создания напора, от плотины вдоль подножья горы Аибги, до напорного бассейна, строители пробили тоннель протяжённостью 700 метров.

Здесь произошёл необыкновенный случай. Один из пленных, работая на крутом склоне горы, по неосторожности провалился в воду, она понесла его в тоннель. Благо, между уровнем воды и верхом тоннеля (потолком тоннеля) было пространство до полутора метров. Пленный мог дышать.

Вода несла его с необыкновенной скоростью и вынесла на решётку напорного бассейна, где он задержался, проплыв 700 метров. Дальше тоннеля вода поступала в металлическую трубу диаметром более трёх метров и подавалась к турбинам ГЭС.

В конце тоннеля, у решётки, пленного ждали рабочие-строители. Они подняли счастливого, оказали медицинскую помощь, напоили чаем, обогрели. Вскоре он почувствовал себя хорошо и был отправлен на родину.

Через несколько лет в Красную Поляну от него пришло письмо, в котором он благодарил своих спасителей и писал, что пребывание в плену у русских для него и его однополчан было более благополучным, чем идти на них с оружием в руках.

В конце 1947 года, по окончании пленными их работ, они были отправлены в другой лагерь.

Уезжая из Красной Поляны, пленные немцы выражали благодарность нашим офицерам и жителям посёлка за доброе отношение к ним.

Быть достойными памяти павших

Визитной карточкой краснополянской школы стал Народный историко-краеведческий музей. Он действительно народный по самой своей сути, ведь создавали его два поколения — юное и то, которое вынесло на своих плечах страшную войну. Он народный потому, что воспитывает на лучших традициях нашего народа не только школьников, но и десятки тысяч гостей Красной Поляны. Общая площадь музея — 760 квадратных метров. Экспозиционная площадь составляет 360 квадратных метров. Количество экспонатов — 18 тысяч. И за каждым из них — долгий, порой очень сложный, но всегда увлекательный поиск. И каждая находка достойна отдельного рассказа. Здесь что ни экспонат — то история.

Когда в 1985 году экспозиция нашего музея была представлена в

Блокноты П.М. Рафеса, военного переводчика

Преодолев волнение, он представился: «Павел Михайлович Рафес, доктор биологических наук. Это мои блокноты».

В музее представлены личные вещи генерал-майора А.П. Турчинского, бывшего комиссара 20-й дивизии полковника Л.Ф. Голандзия, других бойцов и командиров этой дивизии, 33-го мотострелкового полка внутренних войск НКВД и 44-й гвардейской стрелковой дивизии.

Характерной чертой музея является наличие подлинных экспонатов, которых здесь более 8 тысяч, их научная и познавательная ценность, эстетически грамотное и обоснованное размещение материалов, высокая степень использования фондов музея в учебно-воспитательной работе.

Материалы музея, используемые во внеклассной работе и на уроках, наполняют учебный процесс конкретным содержанием, способствуют более прочному овладению знаниями, позволяют превратить эти знания в личные убеждения, в норму поведения школьников, оказывают большое эмоциональное воздействие на них.

Среди материалов музея особое место занимают фотографии, письма и документы военных лет. Это не просто пожелтевшие от времени бумаги, это живые, неумолкающие голоса. Прошло более полувека, а они и по сей день словно сохранили в себе запах крови и пороховой гари. И принимая их на вечное хранение в музей, мы понимаем, какая на нас ложится ответственность.

Музей посетили около пятисот тысяч человек и среди них — бывшие министры обороны Гречко и Устинов, адмиралы Чернавин и Гришанов, многие космонавты, ученые, писатели, художники...

Однажды в наш музей приехали жена, дочь и внучка бывшего хирурга группы сочинских госпиталей И.Д. Чебрикова.

Их взволновал рассказ о подвиге родного им человека, которого уже не было в живых. Вернувшись домой, они на семейном совете решили передать школьному музею скальпель, которым хирург сделал в годы войны 8 тысяч операций. Так семейная реликвия Чебриковых стала экспонатом школьного музея.

Урок-экскурсия в музее «Красная Поляна»

В музее оборудована электрифицированная карта «Битва за Кавказ». «Я словно побывал в Генеральном штабе нашей армии», — так выразил свои чувства, прослушав беседу у карты, Маршал Советского Союза В.И. Петров. Василий Иванович Петров был не случайным гостем школьников Красной Поляны. В октябре 1942 года командир разведроты старший лейтенант Петров получил приказ вылететь на разведку северных склонов гор в район города Псебая, где, по данным нашего командования, находилась группа раненых воинов. Необходимо было выяснить, не захвачены ли раненые противником, определить их местонахождение и способ доставки в госпиталь. На обратном пути самолет «ПО-2» получил повреждение и упал в Красной Поляне. Попавшему в беду летчику и старшему лейтенанту Петрову помогли выбраться из самолета подоспевшие школьники и учителя.

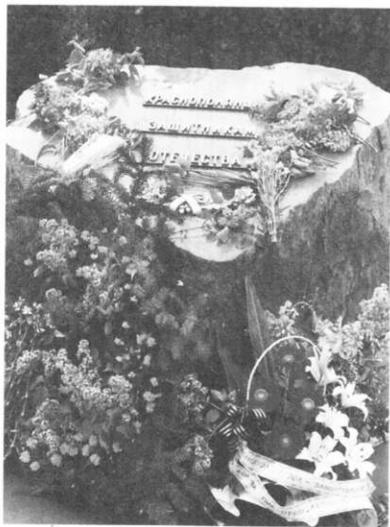
Прошли годы. Отдыхая на Черноморском побережье, Василий Иванович Петров решил побывать в Красной Поляне, которая запомнилась ему еще с 1942 года.

На уроки и экскурсии в музей идут учащиеся всех классов. Разработана определённая тематика по кубановедению. Наглядность, эмоциональность, научность и доступность способствуют выработке у учащихся стремления более углубленно и осознанно изучать темы: «Наш поселок», «Наш город», «Наш край», «Наша Родина».

В мемориальном зале музея семнадцати воспитанникам школы, павшим в боях за Родину, посвящена композиция, в которой имена павших вычеканены в металле. Здесь ежегодно проводится вахта памяти «Мы помним вас поименно», в которой, кроме учащихся и педагогов, участвуют родители, ветераны войны и труда, воины местного гарнизона, пограничники.

В 2000 году на школьном дворе установлен памятник «Камень-сердце» краснополянцам — защитникам Отечества. Родилась традиция фотографирования у мемориала и памятника «Камень-сердце» молодоженов, выпускников школы разных лет, ветеранов войны и труда, родственников павших.

В 1960 году на заседании совета музея было принято решение учредить орган музея — журнал «Краснополянский сле-

Памятник «Камень-сердце»
во дворе краснополянской школы

допыт». В том же году был выпущен 1-й номер журнала. В 2005 году вышел 300-й номер. В журналах — 7 тысяч страниц воспоминаний ветеранов Великой Отечественной войны. Это живые, неумолкающие голоса, хроника военных будней. Здесь сотни фотографий, документов, карт, схем... Тематика журналов разнообразна: походы боевой славы, экспедиционная работа следопытов, воспоминания ветеранов войны, история и боевой путь воинских частей, списки погибших воинов, письма и документы военных лет, отчеты археологических экспедиций, летопись школы и т.п.

Чтобы читатели могли быстро найти интересующий их материал, составлен каталог. Материалы многих журналов уникальны. Они используются на уроках и во внеклассной работе, содействуют воспитанию у школьников высоконравственных качеств. В 1985 году 10 номеров журнала были представлены в экспозиции нашего музея на ВДНХ СССР и удостоены высокой оценки выставочного комитета.

Музей ежегодно пополняется новыми материалами. К 60-летию Победы оформлена экспозиция, посвященная бывшему командующему ракетными войсками и артиллерией государств — участников Варшавского договора генерал-лейтенанту В.В. Казакову. Он не раз бывал в музее, принимал участие в героико-патриотических конференциях, проводил уроки мужества. В музее хранятся его личные вещи, в отделе подарков — несколько макетов артиллерийских орудий, которые принес внук генерала Витя Казаков по поручению бабушки.

Уникальные подарки преподнес музею зам. министра обороны генерал армии Исаков. Среди них — знаменитый пулемет «Максим», автомат ППШ, винтовка.

По итогам Всероссийского смотра-конкурса историко-патриотических музеев учебных заведений РФ за 1998-2000 годы историко-краеведческому музею «Красная Поляна» средней школы № 65 города Сочи присуждено 1-е место. Первое место присуждено музею и по Краснодарскому краю по итогам смотра-конкурса за 2003 год.

Историко-краеведческий музей «Красная Поляна» является центром героико-патриотического воспитания учащихся, населения поселка, посетителей из различных городов, страстным пропагандистом лучших традиций нашего народа...

А вот несколько записей, оставленных в Книге отзывов посетителей музея:

«Ваш музей — это своеобразная энциклопедия героической истории нашей великой Родины. Офицеры-североморцы».

«Это лучшее из всего того, что мы видели в других странах. Абдаха Асани. Мозамбик».

«Солдаты Сталинграда и дети Красной Поляны обладают одинаковым патриотизмом. Члены французской делегации компании «Эйр Франс»».

«Все, что мы видели в этом музее, горячими искрами падает в души, будит память сердца».

«Я объехал и облетел весь земной шар, видел много галерей и музеев, честь им и хвала! Но еще большая честь и хвала величественному по замыслу и осуществлению историко-краеведческому музею «Красная Поляна», который передает новым поколениям память о наших благородных предках. Владимир Карпов, Герой Советского Союза, писатель, доктор литературы, академик военных наук России и Международной академии информатизации при ООН».

«Восхищен правдивостью и достоверностью отображения исторических событий различных эпох, особенно Великой Отечественной войны и современной жизни.

Адмирал Касатонов, бывший 1-й заместитель Главнокомандующего ВМФ России».

«Мне приходилось посещать много музеев войны, но ваш поражает душевностью, близостью к нашим людям и смелостью исторического толкования прошлых героических лет! Егор Строев, бывший председатель Совета Федерации».

Чего же они добиваются?

*Истина и справедливость в важных и
маловажных делах одинаково священна.*

Хан-Гирей.

Годы бегут. Стареют участники Великой Отечественной войны. Меньше их становится. После войны выросли новые поколения людей, знающих о событиях войны только по историческим книгам, кинофильмам, воспоминаниям ветеранов. Вот почему важно правдиво рассказывать молодежи о причинах и характере войны, о ее сражениях, уроках и последствиях, разоблачать любые попытки фальсификаторов истории принизить выдающийся вклад нашего народа в достижении победы над врагом.

К сожалению, с приближением юбилея Великой Победы в средствах массовой информации оживились всякого рода мифотворцы, утверждающие, что начинать войну мы собирались первыми, но нас враг опередил, и что войну вели мы не по правилам (но какие правила у войны, эти «эксперты» не указывают), и что победили мы случайно, и т.д. Критике подвергается и сама Победа, достигнутая ценой огромных потерь. Я задал вопрос пятиклассникам на уроке истории: «Какая сторона на войне несет больше

потерь — та, что наступает, или та, что обороняется?» Дети не просто отвечали: «Та, что наступает», — а приводили конкретные аргументы.

Известно, что немецкая армия вела наступление на нашу страну в основном в 1941-м, затем в 1942-м году. Наша же армия наступала в 1941-м под Москвой, в 1942-м — под Сталинградом, в 1943-м — под Курском, в 1944-м наступление велось на всех фронтах, освобождались захваченные врагом территории не только нашей страны, но и стран Европы. Чего стоили штурмы Кенигсберга и Берлина! Как можно было с малыми потерями разгромить пятимиллионную, сильнейшую по тем временам армию, не знавшую поражений до вторжения в нашу страну?

Зачем же умалять потери противника и преувеличивать потери своей родины? Ведь не уйти от того исторического факта, что Советская Армия разгромила более 600 дивизий фашистской Германии и ее союзников, тогда как англо-американским войскам удалось уничтожить лишь 176 дивизий врага.

На советско-германском фронте фашистская Германия потеряла 75 процентов своей военной техники: танков, самолетов, артиллерийских орудий и т.п. В кадрах фронтовых фотокорреспондентов все это зафиксировано.

Некоторые «стратеги» подвергают критике и маршала Победы Г.К. Жукова — он якобы наступал, не считаясь с потерями.

В истории Великой Отечественной войны не осталось, кажется, ни одного значительного подвига, которые не был бы подвергнут сомнению, искажению, а иногда и осуждению. Досталось и молодогвардейцам, и Зое Космодемьянской, и Александру Матросову, и многим другим героям войны.

В фильме «Битва за Москву» есть эпизод, когда наши кавалеристы атакуют противника. С шашками наголо конники несутся карьером на позицию противника. Военный оператор неслучайно заснял эту массовую стремительную атаку, заставшую врага врасплох. Просмотрев этот фильм, молодой журналист «Комсомольской правды» высмеял русскую кавалерию, которая с шашками наступает на немецкие танки. Ему бы не мешало ознакомиться с историей кавалерийских сражений, которыми командовали прославленные генералы Л.М. Доватор, П.А. Белов, И.А. Плиев, Н.Я. Кириченко, А.Г. Селиванов и др., на конях проехавшие в Берлине по Унтер ден Линден. Это им Дмитрий Покрасс посвятил популярную песню, в которой есть такие слова: «Едут, едут по Берлину наши казаки». И едут они не туристами, а победителями, пройдя тысячи километров фронтовыми друзьями.

Кто из участников Великой Отечественной войны не знает о том, что коренной перелом в этой войне наступил не в результате открытия второго фронта союзниками в 1944 году и тем более не после поражения войск

генерала Роммеля в Африке, как пытаются утверждать эти фальсификаторы истории, а в результате блестящей победы советских войск под Сталинградом! Ну и показали бы «знатоки» в своих «произведениях» гитлеровских вояк, взятых в плен под Сталинградом, а их 91 тысяча, в том числе 23 генерала с фельдмаршалом Паулюсом во главе! Или почему бы не живописать «парад» пленных немцев, который состоялся 17 июля 1944 года, когда русские солдаты провели их по Садовому кольцу Москвы? Это же запоминающийся исторический факт. Так нет же — выискивают кадры вражеских операторов, где русские солдаты стоят перед гитлеровцами с поднятыми руками.

Возникает вопрос: что преследуют эти псевдоисторики, чего добиваются? Один ветеран, прошедший всю войну от Кубани до Берлина, сказал: «У России хотят отнять Великую Победу — неиссякаемый источник патриотизма, уважения и признательности молодых к своим отцам и дедам». Но отнять у нашего народа Победу никому не удастся!

Уместно вспомнить и о телеграмме президента США Рузвельта генералу МакАртуру: «С точки зрения большой стратегии... трудно уйти от того очевидного факта, что русские армии уничтожают больше солдат и вооружения противника, чем все остальные 25 государств Объединенных Наций вместе взятых»...

Колодец в России всегда был символом жизни и чистоты. А народная мудрость издавна давала совет: «Не плюй в колодец — пригодится напиться». Фальсификаторы истории тоже хотят пить чистую воду, но о роднике не думают.

Уроки патриотизма

В строю и молодость, и старость.

Все — в напряженье, все — в бою.

Страшней нет ярости, чем ярость

В борьбе за Родину свою.

Демьян Бедный.

Участие школьников в экспедиции «Летопись Великой Отечественной», в туристских поездках, походах и экскурсиях вносит в их жизнь романтику, прививает навыки исследовательской работы. Вот один из примеров, как организуется поиск.

Из литературных источников учащиеся краснополянской школы узнали, что в годы Великой Отечественной войны около 300 воинов Советской Армии закрыли своим телом амбразуры вражеских дзотов. Кто эти герои?

Каждый знает ставшее легендарным имя Александра Матросова, но больше ребята назвать никого не могли. И начался поиск. Был обсужден

план работы, с ним ознакомлены группы следопытов. Распределили обязанности: одни просматривали подшивки газет и журналов, другие с особым вниманием читали книги на военно-патриотическую тему, третьи смотрели телепередачи, слушали радио, делали запросы.

В поездке по местам боевой славы Белорусской ССР ребята узнали, что среди героев-матросовцев была и женщина — партизанка Римма Шершнёва. В ходе поиска выяснилось, что среди героев, проявивших высшую степень самоотверженности, были и наши земляки-кубанцы. Поиск еще не был завершен, а в Музее боевой славы уже был открыт мемориальный стенд «Родину заслонили собой», а на нем — более 20 имен воинов-героев. По данным Центрального архива Министерства обороны СССР, это представители более чем 20 национальностей нашей страны.

Следопытам удалось установить связь с ветеранами 295-й Новомосковской Краснознаменной ордена Кутузова истребительной авиационной дивизии, которая в начале Великой Отечественной войны базировалась на Адлерском аэродроме. В грозные годы войны отсюда они поднимали на бой с врагом свои истребители.

И вновь следопыты школы — участники радостных и волнующих встреч. С необычайным вниманием они прослушали на уроках мужества воспоминания бывших летчика-истребителя и командира эскадрильи Героя Советского Союза Д.С. Кравцова, техника авиазвена И.С. Максименко, старшего авиамеханика А.Е. Ларичева, мастеров авиавооружения Т.С. Кирилук и М.И. Добрынину, укладчицу парашютов Е.Л. Цветкову, сына полка (164-го истребительного) И.И. Калишенко.

После войны И.И. Калишенко окончил консерваторию, позже работал директором музыкальной школы. Встреча с ним проходила в актовом зале школы. Закончив разговор с ребятами, И.И. Калишенко сел за рояль и зазвучали песни военных лет... Они предстали перед школьниками памятниками истории, наполненными героизмом нашего народа, тронули сердца детей величием подвига...

Содержательно организует школа встречи с участниками Великой Отечественной войны. Вот один из примеров.

Празднично украшена Красная Поляна, на домах и улицах флаги, приветственные лозунги, транспаранты. На площади Трудовой славы в четком строю в парадной форме отряды юных моряков, пограничников, космонавтов, следопытов, корчагинцев, барабанщиков, знаменосцев.

Один за другим сюда подходят автобусы с гостями. Их 150, убеленных сединой, бывших рядовых и сержантов, комбатов и замполитов. У всех на груди награды Родины. Ветераны войны в сопровождении воинского

эскорта выносят знамя своей прославленной дважды Краснознаменной горнострелковой дивизии.

Началась торжественная линейка, затем — парад. Держа равнение на ветеранов войны, под бой барабанов, проходят отряды, вместе с ветеранами все колонны направляются в школу. Здесь следопыты держат своеобразный экзамен на зрелость, отчитываются, как они несут принятую от отцов и дедов, от первого поколения следопытов эстафету, рассказывают о родной школе, о музее, показывают выставку технического творчества.

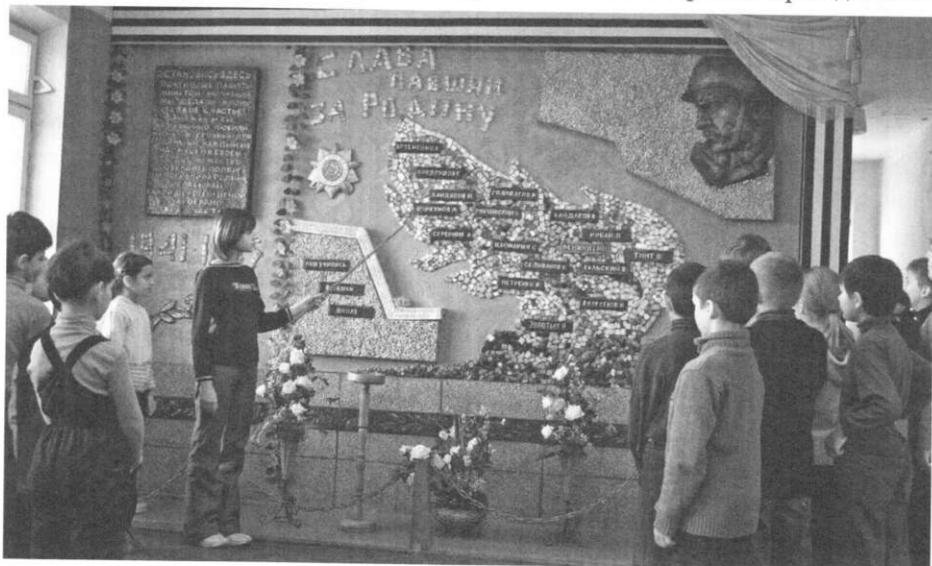
Следопыты доложили ветеранам о том, как организовали встречу с родственниками воинов, погибших в годы войны в боях за перевалы.

На эту встречу приехали отцы и матери, потерявшие сыновей, сыновья, дочери, внуки, потерявшие отцов и дедов. Школьники поклялись всегда содержать в образцовом порядке братскую могилу воинов на поселковом кладбище, Обелиск славы в парке и памятники на перевалах.

Ежегодно в школе проводятся смотры-конкурсы инсценированной песни о Российской армии и Военно-Морском флоте.

...В актовом зале мелькают белые косыночки сестер милосердия, буденовские шлемы, матросские бескозырки и тельняшки... Каждый класс готовит и оформляет свою песню.

...Полыхает алый закат. На сцене у костра сидит группа школьников в костюмах буденовцев. Звучит задумчивая песня времен гражданской

Урок у мемориала павшим воспитанникам краснополянской школы

войны «Там, вдали, за рекой». Вслед за ней — «Тачанка». И несутся по сцене в неудержимом порыве лихие конармейцы.

Песня сменяет песню. Один из отрядов превратил сцену в палубу корабля.

— Нам такие корабли нужны на море, — слышится в зале, а юные моряки «драят» палубу, наблюдают в бинокль за горизонтом, подают сигналы флажками, а в заключение — пляшут «Яблочко».

Другой отряд пригласил для участия в инсценировке песни ветерана Великой Отечественной войны. Он пришел в военной форме с боевыми наградами и пел вместе с ребятами:

*Дымилась роцца под горою,
А вместе с ней горел закат.
Нас оставалось только трое
Из восемнадцати ребят...*

В зале тишина, у многих школьников на глазах слезы. Первоклассники побежали на сцену, чтобы вручить ветерану цветы.

Ежегодно данью уважения к погибшим на фронтах минувшей войны, клятвой верности Родине является для школьников канун праздника Победы — учащиеся организуют Вахту памяти. Во всех классах школы проходят уроки мужества и встречи с краснополяцами — ветеранами войны. Учащиеся совершают поход боевой славы к перевалу Аишхо.

8 и 9 мая особенно многолюдно в музее у Мемориала памяти павших, куда в эти дни классные коллективы школы приносят цветы. В оформление букетов ребята стараются вложить всю свою благодарность, любовь и фантазию. Однажды летом, когда школьники были в походе, они принесли с перевала, где в годы войны шли жаркие бои, камни, и в День Победы использовали их, сложив у мемориала своеобразную композицию, олицетворявшую наши горы. Положили на камни красные гвоздики, красочно оформили подпись, адресованную погибшему на фронте воспитаннику школы Михаилу Циркунову. Слова для подписи взяли из стихотворения М. Исаковского «Здесь похоронен красноармеец», написанного в 1942 году.

*И для тебя, и для меня
Он сделал все, что мог:
Себя в бою не пожалел,
А Родину сберег.*

Ребята вместо вазы для цветов использовали гильзу снаряда, дополнив композицию ржавыми от времени осколками мин и снарядов, горстью

земли... Эта композиция была посвящена всем павшим за Родину воспитанникам школы. У гильзы стояла табличка со словами:

*Семнадцать вас было,
Семнадцать вам было.
И мы не забудем,
Как это было!*

На уроке мужества школьники объявили старт новой патриотической темы «Равнение на знамена Победы», предполагающей активное использование знамен боевой и трудовой славы в мероприятиях, посвященных 67-летию Победы советского народа в Великой Отечественной войне.

Всех поименно

В жизни многих государств и народов есть события, стереть память о которых бессильно даже время. Для нас это Великая Отечественная война. И слова «Никто не забыт, ничто не забыто» и сегодня звучат как священная клятва поколений.

В нашем крае, как и повсюду в России, создана Книга памяти, в которую поименно вписаны герои сражений, погибшие за честь, свободу и независимость Отечества. Для этого была учреждена специальная редакция. Ее работа закончена в 2004 году.

Историко-краеведческий музей «Красная Поляна» эту работу завершил в 2000 году. По материалам Центрального архива Министерства обороны Российской Федерации, книг призыва Адлерского райвоенкомата города Сочи, документам, сохранившимся у родственников погибших, музеем издана Книга памяти в трех томах.

Первый том посвящен героическим защитникам перевалов Кавказа, павшим в районе слияния рек Малая Лаба и Цахвоа, лагеря Мастакан, кордонов Умпырь и Уруштен, перевалов Аишхо, Псеашхо и других. В основном это воины 20-й горнострелковой дивизии. В Книгу вписаны и воины 33-го мотострелкового полка внутренних войск, павшие в боях, а также трагически погибшие под снежной лавиной в январе 1943 года в районе перевала Аишхо-1.

Второй том Книги посвящен краснополянцам, не вернувшимся с фронтов Великой Отечественной войны.

На заседании совета музея обсуждался вопрос, как увековечить память тех краснополянцев, которые вернулись с победой, в течение еще многих лет трудились на благо Родины и ушли из жизни кто вследствие фронтовых ран, кто по болезни или по возрасту. И решили посвятить им третий том Книги памяти, подзаголовком которой стоит: «Они

защищали Родину». В этот том вписаны и те, кто жив. Стоят лишь даты рождения. Таким образом, не забыты все — и павшие, и живые.

Волнующей была презентация Книги в Красной Поляне. Актный зал школы был переполнен. О работе над Книгой памяти рассказала ее редактор Александра Дмитриевна Цхомария.

С воспоминаниями «об огнях-пожарищах, о друзьях-товарищах» выступили ветераны войны В.К. Архондов, Р.Э. Нугис, А.Д. Мертюков. От имени всех краснополянцев начальник центра туризма и отдыха «Красная Поляна» Министерства обороны РФ полковник К.В. Гергишан выразил глубокую благодарность всем следопытам поселка за их многолетний исследовательский и поисковый труд. На основе подлинных документов увековечена память героических защитников Родины.

Память о прошлом не только наша великая история. Она живой родник для сегодняшнего. Она учит, дает силы, зовет хранить мир и радость мирной жизни на земле.

Из германских архивов

Кратко о прошлом

Бывший сотрудник советского посольства Валентин Бережков имел доступ к секретным архивам германского правительства, дневникам высокопоставленных нацистских чиновников и документам Нюрнбергского процесса над гитлеровскими военными преступниками. В своей книге «С дипломатической миссией в Берлин» (1940-1941, изд-во АПН) В. Бережков приводит факты, что и после заключения осенью 1939 года советско-германского пакта о ненападении Гитлер продолжал вынашивать планы войны против Советского Союза. Через два месяца после того, как был подписан этот пакт, Гитлер дал указание командованию вооружённых сил рассматривать оккупированные Германией польские территории как плацдарм для будущих операций (об этом имеется соответствующая запись в дневнике Гальдера от 18 октября 1939 г.).

Вначале план Гитлера фигурировал под шифром «План Отто». 18 декабря Гитлер подписал директиву №21, озаглавленную «План Барбаросса». Она начиналась словами: «Германские вооружённые силы должны быть готовы ещё до окончания войны с Англией разбить Советскую Россию в стремительном походе. Для этого армия должна пустить в действие все находящиеся в её распоряжении соединения, за исключением

лишь тех, что необходимы, чтобы оградить оккупационные районы от каких-либо неожиданностей. Приготовления должны быть закончены до 15 мая 1941 г. Особое внимание надо уделить тому, чтобы подготовку этого напора было невозможно обнаружить.»

Такова лишь крупица того, что было. Мы не знали тогда, что в уже наступившем 1941 году начнётся самая тяжёлая и кровопролитная война. Но наше дело было правое, и мы победили!

Заключение

Неотвратим и стремителен бег времени. Многое исчезает из человеческой памяти. Но есть такие страницы истории, над которыми время не властно. Одна из таких страниц — Великая Отечественная война советского народа против немецко-фашистских захватчиков, частью которой была почти 15-месячная битва за Кавказ.

Прошло более полувека. Поросли травой и яркими цветами окопы, рвы и траншеи. О чем-то шумят молодые деревья, опаленные пламенем военных пожаров. В граните и бронзе, в мраморе и стали высятся над горами Кавказа памятники нашим славным воинам, павшим за свободу и независимость Родины. Вечная им память...

Отгремела война. Над Родиной горят мирные звезды. Пусть всегда они светят в пути вам, наследники Великой Победы. Пусть новые тропы ведут вас на поиск. И пусть вечно живет в вашем сердце любовь к той земле, на которой вы родились и лучше которой нет в целом мире!

Биографический указатель

Антонов Алексей Иннокентьевич (1896-1962) — генерал армии (1943). В Советской Армии с 1919. Окончил Военную академию им. М.В. Фрунзе (1931), Военную академию Генштаба (1937). В Великую Отечественную войну начальник штаба Южного, Северо-Кавказского фронтов, Черноморской группы войск и Закавказского фронта. С 1945 — начальник Генштаба. В 1948-54 — 1-й заместитель командующего и командующий войсками Закавказского военного округа. Награжден высшим советским орденом Победы.

Бодин Павел Иванович (1900-1942) — генерал-лейтенант (1941). В Советской Армии с 1919. Окончил Военную академию им М.В. Фрунзе (1935), Военную академию Генштаба (1941). В Великую Отечественную войну — начальник штаба 9А, штаба Юго-Западного направления, Сталинградского и Закавказского фронтов.

Буденный Семен Михайлович (1883-1973) — Маршал Советского Союза (1935), трижды Герой Советского Союза (1958, 1963, 1968), прославленный герой Гражданской войны. В Советской Армии с 1918 года. Окончил Военную академию им М.В. Фрунзе (1932). В Великую Отечественную войну — член Ставки ВГК, командующий группой войск армий резерва Ставки, главнокомандующий войсками Юго-Западного направления, командующий Резервным фронтом, главнокомандующий войсками Северо-Кавказского направления, командующий Северо-Кавказским фронтом, с 1943 — командующий кавалерией Советской Армии и член Высшего военного совета НКО, а в 1947-1953 одновременно зам. Министра сельского хозяйства СССР по коневодству. В 1953-1954 инспектор кавалерии. С 1955 — в распоряжении Министерства обороны СССР.

Владимирский Лев Анатольевич (1903-1973) — адмирал (1954). В ВМФ с 1921 года. Окончил Военно-морское училище им. М.В. Фрунзе (1925), Военную академию Генштаба (1952). С 1932 командир сторожевого корабля, эсминца-лидера, бригады крейсеров, командующий эскадрой. В Великую Отечественную войну командующий эскадрой, с мая 1943 — Черноморским флотом, с 1944 — эскадрой Краснознаменного Балтийского флота. С 1947 в аппарате ВМФ, зам. Главнокомандующего ВМФ, председатель Морского научно-технического комитета, в 1959-1970 на научной и преподавательской работе.

Горшков Сергей Георгиевич (1910-1988) — адмирал Флота Советского Союза (1967), дважды Герой Советского Союза (1965-1982). В ВМФ с 1927 года. Окончил Военно-морское училище им. М.В. Фрунзе (1931). С 1932 командир сторожевого корабля, эсминца, бригады эсминцев, бригады крейсеров. В Великую Отечественную войну командующий Азовской военной флотилией и с 1942 — зам. Командующего Новороссийским оборонительным районом. С января 1945 командовал эскадрой Черноморского флота. С 1956 главнокомандующий ВМФ, зам. министра обороны СССР.

Грчко Андрей Антонович (1903-1976) — маршал Советского союза (1955), дважды Герой Советского Союза (1958, 1973), Герой ЧССР. В Советской Армии с 1919. Окончил Военную академию им. М.В. Фрунзе (1936), Военную академию Генштаба (1941). В Великую Отечественную войну с июля 1941 командовал отдельной кавалерийской дивизией, с января 1942 — корпусом, с апреля 1942 командующий 12-А, 47-А, 18-А, 56-А, в октябре-декабре 1943 зам. Командующего Воронежским (1-м Украинским) фронтом, с декабря 1943 — командующий 1-й гвардейской армии. В 1945-1953 командующий войсками КВО, затем главком Гражданских советских войск в Германии. С 1967-1976 министр обороны СССР.

Захаров Георгий Федорович (1897-1957) — генерал армии (1944). В Советской Армии с 1919. Окончил Военную академию им. М.В. Фрунзе (1933), Военную академию Генштаба (1939). В Великую Отечественную войну начальник штаба 22-А, с августа 1941 начальник штаба, а с октября командующий Брянским фронтом, с декабря зам. Командующего Западным фронтом. С мая 1942 начальник штаба Северо-Кавказского направления, затем Северо-Кавказского фронта, Юго-Восточного фронта, с октября 1942 зам. командующего Сталинградским и Южным фронтами, с февраля 1943 командующий 51-А, 2-й гвардейской армией, с июня 1944 командующий 2-м Белорусским фронтом, с ноября 4-й гв. Армией, с июня 1944 командующий 4-м Украинским фронтом. С 1954 зам. Начальника Главного управления боевой подготовки сухопутных войск.

Леселидзе Константин Николаевич (1903-1944) — генерал-полковник (1943), герой Советского Союза (1971, посмертно). В Советской Армии с 1921. Окончил академические курсы усовершенствования комсостава (1929). В Великую Отечественную войну начальник артиллерии стрелкового корпуса и 50-А, командир стрелкового корпуса, с августа 1942 командир 46, 47 и 18-й армиями. Умер от ран, полученных в бою.

Масленников Иван Иванович (1920-1954) — генерал армии (1944), герой Советского Союза. В Советской Армии с 1918. Окончил Военную академию им. М.В. Фрунзе (1935). В Великую Отечественную Войну командующий 29-А и 39-А, Северной группой войск Закавказского фронта, Северо-Кавказским фронтом, зам. командующего ряда фронтов, командующий 42-А, с апреля 1944 командующий 3-м Прибалтийским фронтом. В 1945 командующий ЗакВО.

Петров Иван Ефимович (1896-1958) — генерал армии (1944), Герой Советского Союза (1945). В Советской Армии с 1918. Окончил курсы усовершенствования комсостава (1926, 1931). В Великую Отечественную войну командир стрелковой дивизии, командующий Приморской и 44-й армиями, с 1942 — Черноморской группой войск, с 1943 начальник штаба, с мая командующий Северо-Кавказским фронтом, 33-А, 2-м Белорусским и 4-м Украинским фронтами. С 1945 командующий войсками ТуркВО, затем 1-й заместитель главного инспектора Советской Армии. С 1957 главный научный консультант при заместителе министра обороны.

Тюленев Иван Владимирович (1892-1978) — генерал армии (1940). Герой Советского Союза (1978). В Советской Армии с 1918. Окончил Военную академию РККА (1922). В Великую Отечественную войну командующий Южным фронтом, 28-А, войсками ЗакВО, с 1942 — Закавказским фронтом. С 1946 в центральном аппарате МО СССР, с 1958 в Группе генеральных инспекторов МО СССР.

Октябрьский Филипп Сергеевич (1899-1969) — адмирал (1944), Герой Советского Союза (1958). В ВМФ с 1918. Окончил параллельные классы при Военно-морском училище им. М.В. Фрунзе (1928). В Великую Отечественную войну командующий Черноморским флотом, одновременно в 1941-1942 — Севастопольским оборонительным районом. В 1948-1953 1-й заместитель главнокомандующего ВМС, в 1953-1954 в центральном аппарате ВМС. С 1960 в Группе генеральных инспекторов МО СССР.

Важную роль в битве за Кавказ сыграли 4-я и 5-я воздушные армии, которыми в разное время командовали генералы К.А. Вершинин, Н.Ф. Науменко, С.К. Горюнов. Под их руководством проходило и было выиграно известное воздушное сражение на Кубани.

Литература

- Гречко А.А. Битва за Кавказ. М.,
Военное издательство, 1967.
- Завьялов А.С., Калядин Т.Е. Провал операции «Эдельвейс».
М., Воен. издат., 1962.
- Закруткин В.А. Кавказские записки.
Ростовское книжное издательство, 1970.
- Военный энциклопедический словарь. М.,
Воениздат, 1984.
- Давидич В.Н. Жизни своей не щадя. Воениздат. М., 1981.
- Гнеушев В.Г., Попутько А.Л. Тайна Марухского ледника.
Ставрополь, 1975.
- История Второй мировой войны, 1939-1945. том 5.
М., 1975.
- Говард М. Большая стратегия. Воениздат. М., 1980.
- Манштейн Э. Утерянные победы. М.: Аст, 2003.
- Опрышко О.Л. На Эльбрусском направлении.
Нальчик, 1970.
- Народный подвиг в битве за Кавказ. М., 1981.
- В боях за Кавказ. Баку, 1968.
- Ибрагимбеили Х.М. Битва за Кавказ. М.: Знание, 1983.
- Тюленев И.В. Крах операции «Эдельвейс».
Орджоникидзе, 1975.
- Цвиташвили ???. Закавказье в годы Великой Отечественной
войны. 1941-1945. Тбилиси, 1969.
- Энциклопедия третьего рейха. М.: Лакид-пресс, 2003.

Содержание

Цель — Кавказ	3
По плану «Эдельвейс».....	3
Наши соседи до и во время войны.....	19
Турция.....	19
Иран.....	21
На заоблачном фронте.....	24
Немного о себе.....	27
Разговор с погибшим братом.....	28
«Сокол, я Чайка!».....	32
Пирожки к празднику.....	34
Экспонат из огня.....	36
На Умпырском направлении	39
Из воспоминаний генерала А.П. Турчинского.....	39
О комдиве 20-й горнострелковой.....	46
Встреча с «эдельвейсами».....	48
Они стояли насмерть.....	58
На безымянной высоте.....	60
Родная кровь.....	63
Живой мост.....	65
Слово о партизанах.....	66
История одного экспоната.....	68
Баллада о бритве.....	70
Возвращение.....	71
Оперативные сводки из далекого 1942-го.....	71
Грудью отстоим родной Кавказ.....	73
Эхо отгремевших боев	76
Высота памяти.....	76
На огненной черте.....	79
Подвиг милосердия.....	83
Военные будни Красной Поляны.....	86
Немцы в Красной Поляне	89
Быть достойными памяти павших	91
Чего же они добиваются?.....	95
Уроки патриотизма.....	97
Всех поименно.....	101
Из германских архивов. Кратко о прошлом	102
Заключение	104
Биографический указатель	105
Литература	109

Цхомария Борис Дмитриевич

Родился 1 декабря 1925 г. в посёлке Красная Поляна Адлерского района города Сочи.

В 1942 г. ушёл на фронт. Участвовал в обороне Кавказа, освобождении Кубани, Украины, Польши.

Войну закончил в Берлине. Был ранен, контужен. В 1947 г. демобилизовался.

Окончил географический факультет Краснополянского педагогического института. 64 года работал в Краснополянской СОШ № 65 г. Сочи учителем физкультуры, географии, был организатором внеклассной воспитательной работы.

В 1960 г. организовал и в течение 50 лет руководил ордена «Знамя Победы» историко-краеведческим музеем «Красная Поляна», получившим широкую известность.

Заслуженный учитель школы РФ.

Почётный гражданин города Сочи.

Почётный член Сочинского отделения Русского географического общества и общественной организации экскурсоводов г. Сочи.

Член ЦК ДОСААФ СССР с 1977 по 1984 г. Выполнял задания Комиссии ЦК по работе с учащимися и студенческой молодёжью.

Автор книг и брошюр «Красная Поляна», «Уроки патриотизма», «Кавказский узел», «Гроза над Кавказом» и др.

Внесён во Всероссийскую энциклопедию «Люди нашего тысячелетия».

Награждён пятью орденами, двадцатью медалями, тремя Почётными знаками. Лауреат форума «Общественное признание».

Борис ЦХОМАРИЯ

Гроза над Кавказом

Баку и Северный Кавказ были основным источником нефти для всей экономики СССР. После потери Украины резко выросло значение Кавказа и Кубани как источника зерна. Здесь же находились запасы стратегического сырья, например, Тырнauзское месторождение вольфрамо-молибденовой руды. Потеря Кавказа могла бы оказать заметное влияние на общий ход войны против СССР, поэтому Гитлер выбрал именно это направление в качестве основного.

ISBN 978-5-9903622-1-5

ПРОСТЕКТ
РЕКЛАМНОЕ АГЕНТСТВО
ПРАЙМ С